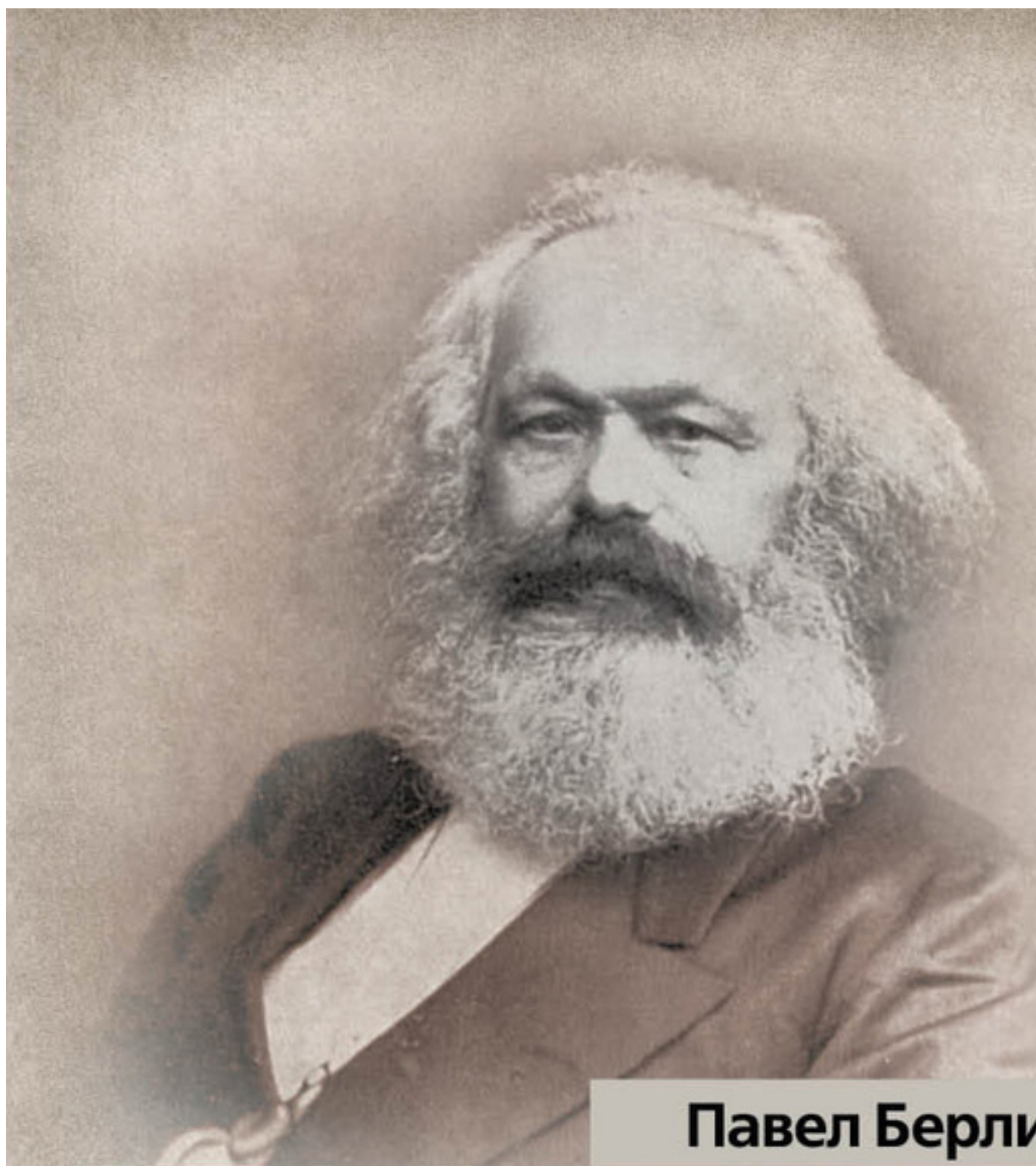

Павел Берли

НЕИЗВЕСТНЫЙ

ИЛДП МАДУС

Павел Абрамович Берлин
Неизвестный Карл Маркс. Жизнь и окружение
Серия «Гении и злодеи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011517
Неизвестный Карл Маркс: жизнь и окружение.: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-6995-4610-7

Аннотация

Карл Маркс – философ, социолог, экономист и общественный деятель. Сменив иудейство на протестантизм, Маркс получил «входной билет в область европейской культуры», благодаря чему у него появилась реальная возможность влиять на массовое сознание миллионов людей. Труды Карла Маркса сформировали в философии – диалектический и исторический материализм, в экономике – теорию прибавочной стоимости, в политике – теорию классовой борьбы. Эти направления стали основой коммунистического и социалистического движения и идеологии, получив название «марксизм».

Что же это означает на самом деле? Карл Маркс повернул экономическую эволюцию цивилизации. Карл Маркс развернул историю развития человеческой цивилизации. Человек, свершивший «философскую революцию», стал идеологом революции массовой, кровавой, братоубийственной. Возможно, впервые за время существования нашей цивилизации философ так повлиял на историю развития человечества.

Член тайного общества «Союз коммунистов», создатель мощной пропагандистско-террористической организации мирового масштаба под названием Первый Интернационал. Каким же был этот уникальный человек?

Содержание

Глава I	4
Глава II	15
Глава III	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Павел Абрамович Берлин

Неизвестный Карл Маркс: жизнь и окружение

Глава I

Годы юности и студенчества

Карл Маркс происходил из древней и благочестивой еврейской семьи. Его родословное древо по прямой линии вплоть до шестнадцатого века насчитывает в числе своих членов исключительно раввинов, среди которых некоторые в свое время были известными учеными-теологами. Все они носили фамилию Мордухай, и лишь дедушка Карла Маркса изменил эту фамилию на фамилию «Маркс».

Отец Маркса не только нарушил древнюю традицию своего рода и вместо учено-духовной карьеры избрал светскую – в 1824 году он перешел из иудейства в протестантизм.

Переходя из иудейства в протестантизм, отец Маркса, по словам Меринга, «делал это не для того, чтобы веру в Дегову переменить на веру в Христа, а для того, чтобы внешне порвать с иудейством, которое он уже пережил внутренне. А в то время сделать это можно было лишь в форме перехода в протестантизм».

И в подтверждение Меринг ссылается на слова Гейне, который, оправдывая свое крещение, говорил, что свидетельство о крещении служит входным билетом в область европейской культуры.

Но эти соображения Меринга представляются нам очень уж натянутыми. Переход из иудейства в христианство вызывался тогда не тем, как это предполагает Меринг, что тогдашнее наиболее передовые евреи «внутренне преодолели», пережили еврейство, а тем, что тогдашние официальные христиане не давали возможности евреям по-человечески жить в Пруссии. Меринг забывает о словах Гейне, что если бы позволили красть серебряные ложки, то он бы никогда не крестился... Гейне крестился почти одновременно с отцом Маркса, и в письме к своему другу Мозеру он следующим образом объясняет свой шаг: «Я очень хорошо понимал слова псалмопевца: «Господи! Давай мне насущный хлеб, дабы я не позорил Твое святое Имя!» Весьма фатально, что во мне весь человек управляется бюджетом! На мои принципы отсутствие или изобилие денег не имеет ни малейшего влияния, но на мои поступки оно влияет тем сильнее. Да великий Мозер, Генрих Гейне очень мал... Это не шутка, это мое серьезнейшее, исполненное самого сильного негодования, убеждение. Моя душа гуммиластиковая, она часто растягивается до бесконечности и часто стягивается до крошечных размеров». И затем в другом письме к тому же Мозеру Гейне произносит упомянутую фразу о серебряных ложках: «Мне было бы очень прискорбно, если бы мое свидетельство о крещении могло представиться тебе в благоприятном свете. *Уверяю тебя, что, будь законами дозволено красть серебряные ложки, я бы не крестился*» (курсив автора). Эти слова Гейне отлично показывают, что многие тогдашние евреи переходили в христианство вовсе не потому, как это предполагает Меринг, что они «внутренне преодолели еврейство», а просто потому, что они не могли преодолеть грубого внешнего и внутреннего гнета прусского государства.

Семья Маркса, правда, жила в рейнской провинции, где действовал несравненно более передовой, чем прусское уложение, Наполеоновский кодекс, которому были чужды религи-

озные преследования. Но ко времени крещения семьи Маркса город Трир подпал под владычество Пруссии, которая в то время жестоко травила евреев, и не далее как в 1826 г. рейнский провинциальный ландтаг обсуждал законопроект о лишении евреев всех гражданских прав.

Грубый и злобный антисемитизм тогдашнего немецкого правительства и значительной части общества заставлял многие тысячи еврейских семейств переходить в христианство. И этим, конечно, объясняется переход в христианство и всей семьи отца Карла Маркса. И именно благодаря тому, что внешние гонения заставили многих передовых евреев переходить в христианство, эти евреи сохраняли в себе жгучую, лютую ненависть к реакционному правительству и обществу и бросались в первые ряды борцов за политическую свободу.

Берне, который тоже вынужден был принять христианство, в превосходных словах показал, почему именно евреи выдвигали тогда передовых борцов освободительного движения. «Да именно потому, – писал Берне, – что я родился рабом, свобода милее мне, чем вам. Да, вследствие того, что я был обучен рабству, я понимаю свободу лучше вас. Да, оттого, что у меня не было при рождении никакого отечества, я жажду приобрести его гораздо сильнее, чем вы, и вследствие того, что место, где я родился, было ограничено одною еврейскою улицею, за запертыми воротами которой начиналась для меня чужая земля, – мне недостаточно теперь иметь отечеством ни город, ни провинцию, ни целую область; я могу удовольствоваться только всею великою отчизною, на всем пространстве, где звучит ее язык... Я перестал быть рабом граждан и потому не желаю теперь никакого рабства; я хочу быть теперь совершенно свободным. Дом моей свободы я выстроил себе заново снизу до самого верху; следуйте моему примеру и не довольствуйтесь накладкой новых черепиц на крышу полуогнившего государственного здания. Прошу вас, не презирайте евреев. Вы лишили их воздуха, но это предохранило их от гнилости. Вы насыпали в их сердце соль ненависти, но это помогло ему сохраниться в совершенной свежести. Вы всю зиму держали их в глубоком погребе, заткнув отдушину навозом, но сами, незащищаемые ничем от холодного воздуха, полузамерзли. Когда наступит весна, мы увидим, кто зазеленеет прежде: евреи или христиане».

Эти слова Берне (см. его «Сочинения в переводе П. Вейнберга», т. 11, СПб., 1896 г.) хорошо вскрывают социально-психологический источник той чуткой восприимчивости к новым освободительным идеям, той готовности биться за их осуществление, которыми отличался тогда передовой слой еврейства. Достаточно сказать, что за короткий промежуток времени немецкое еврейство сумело тогда выдвинуть целую плеяду блестящих, гениальных борцов за политическое и социальное освобождение всего человечества – Берне, Гейне, Маркса, Лассаля.

Но помимо принадлежности к гонимой в тогдашней Пруссии нации, все внешние условия жизни Карла Маркса складывались так, что должны были рано пробудить и развить в нем его природную революционную стихию. Маркс родился и вырос в городе Трире в рейнской провинции, которая была завоевана Наполеоном I и с тех пор управлялась на основании Наполеоновского кодекса. Но в 1815 г. рейнские провинции вновь отошли к Пруссии, и их жителям была дана возможность наглядно сравнить более или менее свободный режим, созданный «революционным и безбожным» французским правительством, с деспотическим режимом патриархального и богобоязненного прусского правительства. Сравнение было, конечно, не в пользу последнего. И недовольство прусским режимом широко разлилось по рейнской провинции. К тому же рейнская провинция принадлежала к числу наиболее развитых в экономическом отношении частей Германии. Здесь раньше, чем в других местах Германии, начало развиваться крупнокапиталистическое хозяйство и образовался слой богатой и властолюбивой крупной буржуазии. Вследствие всего этого, рейнская провинция шла впереди других по оппозиционности своего настроения.

Если мы теперь перейдем от общих к частным, семейным условиям, среди которых вырос Карл Маркс, то мы убедимся, что и в этой области обстановка, окружавшая Маркса, благоприятствовала его развитию. Отец Маркса был чутким и образованным человеком, души не чаявшим в своем сыне, рано разгадавшим гениальные задатки своего первенца и всеми силами старавшимся дать ему цельное и законченное образование.

Одна из главных «особых примет» духовного облика К. Маркса – его интернационализм и, если так можно выразиться, интеррелигиозность – тоже уже в условиях его детства получила благодатную почву для развития. Отец и мать Маркса происходили из древней еврейской фамилии, перешедшей в христианство, когда Марксу было шесть лет. Отец Маркса был немец, его мать голландкой, до самой своей смерти не научившейся безукоризненно говорить по-немецки.

В 1835 году Маркс окончил гимназический курс в трирской гимназии. Полученный им аттестат меньше всего давал основание предполагать в семнадцатилетнем юноше гениального теоретика и стратега революции. Аттестат был «средний». Почти по всем предметам отмечались «удовлетворительные» успехи и похвальное поведение.

Окончив гимназический курс, Маркс в том же 1835 г. поступил на юридический факультет Боннского университета. Студенческая жизнь Германии тридцатых и сороковых годов как нельзя лучше подтверждала ту истину, что непосредственная политическая роль, играемая студенчеством, тем шире и влиятельнее, чем более отстало общее социально-экономическое положение данной страны. Социально-политический строй Германии тридцатых годов был до крайности отсталый по сравнению с «западными странами» – Англией и Францией. В политической области в ней ненарушимо царил еще абсолютизм, имевший к тому же несколько десятков филиальных отделений, в виде бесконечного числа отдельных микроскопических государств. Не менее отсталой была Германия тридцатых годов и по своему социально-экономическому развитию. Капиталистическое производство едва только назревало, господствующая же роль принадлежала мелким формам самостоятельного производства и ремеслу. Социальные взаимоотношения различных классов отличались патриархальностью и благодушием. Пролетариат был еще очень малочислен и не порвал еще своей связи с мелким производством и с землей.

Таким образом, в Германии тридцатых годов еще не существовали сколько-нибудь обширные кадры населения, которые бы, подобно тому, как это было во Франции, могли на своих крепких и широких плечах вынести организованную политическую борьбу с абсолютизмом.

А между тем мысль немецкой интеллигенции значительно обогнала медленный ход социально-экономического развития страны. Передовые слои немецкой интеллигенции с жадностью усваивали новые веяния в науке и жизни, доносившиеся из соседней Франции. На сером, тусклом фоне крайне отсталой социально-политической жизни Германии ярким пламенем горела мысль передовой интеллигенции. И эта-то передовая интеллигенция, не находя еще в своих, освободительных стремлениях точки опоры в широкой народной массе, приняла отсталость социально-экономического развития Германии за ее особенность и с энтузиазмом сама возложила на себя великую миссию своими личными силами и усилиями освободить весь немецкий народ. И в первых рядах этой интеллигенции стояло, конечно, студенчество. В тридцатых годах оппозиционное движение носило в Германии чисто интеллигентский и по преимуществу студенческий характер. Пролетариат еще политически безмолвствовал, буржуазия уже начинала издавать политически членораздельные звуки, но тогда она еще не шла дальше упований на мудрость правительства и почтительных просьб, обращенных к правительству, чтобы оно само себя ограничило. Среди студенчества же шло сильное брожение, и скорпионы жестоких правительственных репрессий обрушивались всею своею тяжестью почти исключительно на студентов. Но эти гонения только

сильнее спланивали и только больше озлобляли студенчество, которое в ответ на правительственный террор стало проповедывать «убийство тиранов».

Чрезвычайная неопределенность социально-экономического состояния тогдашней Германии, пестрая чересполосица интересов различных ее классов отражалась в головах студенчества в виде удивительного сумбура политических понятий. Не говоря уже о «цветном», корпоративном студенчестве, которое всецело ушло в дуэли, попойки и подражание фешенебельным офицерам, даже среди передовой части студенчества еще широко были распространены грубые корпоративные предрассудки и чисто ребяческое увлечение «страшными» революционными лозунгами и призывами, которые, за единичными исключениями, всегда оставались в области революционной фразеологии.

Один из друзей К. Маркса, «красный» Беккер, поступивший в университет лишь на 4–5 лет позже Маркса, рассказывает, что среди передового студенчества тогда еще очень часто встречались студенты, которые одновременно с «тиранами» предавали проклятию и... железные дороги и упорно отказывались пользоваться ими. А когда другой гениальный современник Маркса, Георг Бюхнер¹, поступивший в университет на 3–4 года раньше Маркса, обратился к революционной студенческой организации «студентов-коммунистов» с приглашением вступить в революционный союз, в котором участвовали многие ремесленники, то «студенты-коммунисты» ответили Бюхнеру, что устав этого общества соответствует их убеждениям, так как они, студенты, непримиримые коммунисты, но, однако, они считают ниже своего достоинства быть в одном обществе с какими-то ремесленниками.

Этот характерный эпизод хорошо показывает, что, несмотря на всю свирепость своей революционной фразеологии, немецкое студенчество тридцатых годов еще не могло освободиться даже от своих корпоративных предрассудков.

Однако все чаще и чаще уже с тридцатых годов среди немецкого студенчества стали встречаться отдельные личности и небольшие группы, которые звали студенчество выйти из тесных стен чисто студенческого движения и, подняв массовое народное движение, стать во главе его.

Вследствие вышеуказанной социально-экономической отсталости Германии тридцатых годов тогдашнему студенчеству в лице его передовых деятелей не удалось вызвать сколько-нибудь заметного массового движения, но все-таки студенчество сумело бросить в девственное в политическом отношении сознание широких слоев народа первые зерна политического развития. В особенности это приходится сказать о ремесленниках, которые уже с тридцатых годов стали приходить в соприкосновение с «бунтующими» студентами и даже основывать студенческо-ремесленные революционные союзы. Лишь немногие студенты – вроде Бюхнера, Беккера и др. – настолько поднялись над общим уровнем, что умело пропагандировали ремесленников, обыкновенно же эта пропаганда сводилась к обучению ремесленников свирепой революционной фразеологии. Вот как один современник Маркса передает «имевшую шумный успех» речь одного ремесленника: «Добро должно восторжествовать! Моей религией является убийство тиранов и всеобщее равенство... Я знаю навверное и надеюсь, что и вы, дорогие братья, верите в это, что скоро совершится нечто (bald etwas geschieht), я знаю это из верного источника, я знаю это от поляков и французов. Революция, говорю я вам, революция и всеобщее уничтожение». (*Общее продолжительное одобрение. Аплодисменты. Крики «браво».*)

¹ Бюхнер Георг (нем. Georg Büchner; 1813–1837) – немецкий поэт и драматург. Занимался изучением естественных наук и практической медицины; издал памфлет «Der Hessische Landbote» с эпиграфом: «Мир – хижинам, война – дворцам». В 1834 году Бюхнер участвовал в революционном восстании в Гессене. За написание политического памфлета разыскивался полицией. Впоследствии переехал в Цюрих, где читал лекции по сравнительной анатомии. Бюхнер – автор трех драматических произведений: «Смерть Дантона», «Войцек» и «Пьетро Аретино». С 1923 года вручается премия Бюхнера, которая считается наивысшей наградой Германии в области прозы. – *Примеч. ред.*

Этот «революционный» сумбур был точным отражением того сумбура, который царил в тридцатых годах в головах большинства немецких студентов. Но как ни был велик, этот политический сумбур, он во всяком случае не мешал студенчеству играть очень шумную политическую роль, будоражить крепко спящий мир филистеров и будить его к самостоятельной политической жизни.

Студенчество находилось в непрестанном брожении, неутомимой войне с правительством, и своими «беспорядками» оно, конечно, сильно содействовало политическому пробуждению всей страны. К этой эпохе бури и натиска в жизни немецкого студенчества относятся университетские годы Карла Маркса. Какую же позицию занял Карл Маркс по отношению к студенческим волнениям, к каким из многочисленных тогда студенческих групп он примкнул, какую роль он сыграл в развитии студенческого движения? К сожалению, тот весьма скудный биографический материал, который мы имеем о Марксе, особенно скудостью страдает относительно его студенческих лет. Мы не имеем никаких данных относительно роли Маркса в студенческом движении тридцатых годов; но те автобиографические данные, которыми мы вообще располагаем относительно студенческих годов Маркса, и многочисленные воспоминания его современников заставляют предполагать, что Маркс или совсем остался в стороне от студенческих движений, или, во всяком случае, принимал в них лишь незначительное участие. Маркс уже на университетской скамье сильно выделялся своими замечательными способностями и богатством своих знаний. Если бы поэтому он принял близкое участие в студенческом движении, то он бы очень скоро выдвинулся и сыграл в нем крупную роль. А между тем, в довольно богатой немецкой литературе о студенческих движениях тридцатых годов имя Карла Маркса не встречается. Сохранившиеся письма студента Маркса к отцу и отца к нему тоже заставляют предполагать, что в студенческие годы Маркс всецело ушел в выработку своего общефилософского мирозерцания и вопросы мировоззрения целиком поглотили все его мысли и помыслы. О социальных движениях, социальных и политических вопросах мы не находим в письмах Маркса к отцу и в ответных письмах отца ни звука. В этом отношении интересно сравнить письма Маркса к отцу с письмами к отцу Георга Бюхнера. Отец Бюхнера был в политическом отношении очень консервативно настроен, но, несмотря на это, Бюхнер в своих письмах к отцу и невесте постоянно вновь и вновь возвращается к социальным и политическим вопросам и с юношеским пылом реагирует на все политические события. И даже в своих занятиях он больше всего времени уделяет «изучению истории революций».

Совершенно иной характер носят письма и занятия студента Маркса. Свою невесту он засыпает письмами чисто лирического характера и даже целыми тетрадями своих стихотворений, в письмах к отцу он вновь и вновь возвращается к вопросам о выработке своего общефилософского мирозерцания; а в Берлине среди его друзей мы встречаем людей на несколько лет старше его и уже закончивших свой период бури и натиска. Маркс-студент, очевидно, принадлежал к тому типу людей, которые не могут заняться практическим делом или даже вопросами практики, не уяснив себе предварительно «проклятых» вопросов теории, вопросов общего мировоззрения. Ночи напролет просиживал Маркс над книгами и мучительно метался от одной теории к другой, от одной науки к другой, крайне неохотно и неаккуратно посещая университетские лекции. Из этих лекций Маркс охотно слушал знаменитого Савиньи и в особенности Ганса, оказавшего на Маркса очень сильное влияние. Ганс в своих лекциях метко и зло бичевал крайнюю историческую школу юристов, Ганс отмечал «узость, ограниченность и мумиеподобность этой школы, ее вредное влияние на законодательство и право, жалкое чванство, с которым она покрывает свои тощие члены государственной тогой». Кто знаком со знаменитой статьей Маркса «К критике гегелевской философии права», тот легко проследит по ней, какое глубокое впечатление произвели на Маркса лекции гегельянца Ганса.

Для периода студенчества Карла Маркса наибольшую биографическую ценность представляет письмо Маркса к отцу, относящееся к ноябрю 1837 г. и впервые опубликованное дочерью Маркса в 1897 г. в журнале «Die Neue Zeit».

«Когда я покинул вас, — пишет здесь Маркс, — для меня раскрылся новый мир, мир любви и притом страстной, безнадежной любви. Даже поездка в Берлин, которая, вообще говоря, привела меня в восхищение, возбудила во мне наслаждение природой, доставила мне радости, — и эта поездка в конце концов оставила меня равнодушным и угнетающе на меня подействовала, ибо скалы, на которые я глядел, не были сильнее и величественнее, чем чувства моей души; обширные города не были более живы, чем моя кровь, меню трактиров не были более разнообразны и неперевариваемы, чем продукты моей фантазии, и, наконец, искусство не было так прекрасно, как моя Женни. Приехав в Берлин, я порвал со всеми своими прежними знакомствами, неохотно делал редкие визиты и пытался уйти в науку и искусство.

При моем тогдашнем настроении я прежде всего должен был, конечно, броситься на лирическую поэзию, и в связи со всем моим развитием эта поэзия могла быть лишь чисто идеалистической. Таким же далеким, потусторонним миром, каковым тогда была моя любовь, было и мое небо, мое искусство. Всякая действительность исчезала, и все исчезнувшее размывалось в безграничном пространстве, не находясь ни в какой связи с настоящим, принимая характер расплывчатого и бесформенного чувства, лишённого всякой естественности. Все совершилось точно на луне; между существующим и тем, что должно быть, зияла полная противоположность, риторические рассуждения заменяли поэтические мысли...

Однако, поэзия была лишь второстепенным делом, я должен был изучать юриспруденцию, и прежде всего я чувствовал стремление посчитаться с философией. Эти занятия так переплелись друг с другом, что я вынужден был частью без всякой критики, чисто ученически, воспринять Гейнециуса, Тибо и источники. Две первые книги пандектов я перевел на немецкий язык и пытался изложить философию права. В качестве введения я предпослал несколько метафизических тезисов, и этот злосчастный *Opus* я довел до публичного права. Эта работа заняла почти триста (?) листов.

Здесь у меня прежде всего резко выступило присущее идеализму противоречие между миром действительного и миром должного и повлекло за собою безнадежно ошибочную классификацию. Прежде всего, милостиво окрещенная мною метафизика права, т. е. основные начала, определения понятий, не находилась у меня ни в какой связи с действительным правом и его реальными формами. Я повторял этим Фихте, но придавая рассуждениям более современную и вместе с тем более бессодержательную форму. При этом ненаучная форма математического догматизма заранее воздвигала препятствие для истинного познания, так, как здесь субъект вертится вокруг вещей, рассуждает о них и так и сяк, вместо того, чтобы понять вещи в их саморазвитии, как живущие своей жизнью.

Математик строит треугольник и доказывает, что этот треугольник есть простое представление в пространстве, из него само по себе ничего не развивается, он становится в различные отношения и раскрывает различные истины в зависимости оттого, что мы в него привносим. Но в конкретной форме живого мира идей, каковым является право, государство, природа, вся философия, здесь сам объект должен быть понят в его развитии, здесь произвольные классификации не должны привноситься; разум же самих вещей должен развиваться во внутренних противоречиях и в самом себе отыскивать свое единство...

Понятие служит посредствующим звеном между формой и содержанием. В философском развитии права форма должна входить в содержание, форма должна быть лишь простым продолжением содержания».

Далее Маркс излагает свою классификацию юридических наук, не представляющую интереса и которую он уже сам отвергает.

Только что успев закончить свою систему, «положительную теорию права», Маркс уже видит всю ее непригодность и безжалостно разрушает ее сверху донизу. «Мне снова стало ясно, что без философии далеко не уедешь. Я вновь бросился в ее объятия и вновь создал новую метафизическую систему, закончив которую я вновь должен был признать ее ошибочность и вообще ошибочность всех моих прежних попыток».

«Я усвоил себе привычку делать выписки из всех читаемых мною книг, напр., из «Лаокоона» Лессинга, из «Эрвина» Сольгерса, из «Истории искусства» Винкельмана.

В то же время я переводил «Германию» Тацита, *libri tristium* Овидия, занимался английским и итальянским, не сделав пока в этом успехов, читал уголовное право Клейна и его анналы и все новости литературы.

Все эти занятия заставляли меня просиживать многие ночи напролет, перестрадать внутреннюю борьбу, из которой я в конце концов вышел не слишком-то обогащенным, забросив при этом природу, искусство, мир, оттолкнув друзей, подорвав свое здоровье, так что врач посоветовал мне отправиться в деревню, и я впервые пропутешествовал через весь город в Штралов (предместье Берлина).

Занавес опустился. Моя святыня была разрушена, и я должен был приняться за создание новых богов.

От идеализма, который я, к слову сказать, уподоблял кантовскому и фихтевскому, я пришел к заключению о необходимости отыскивать идеи в самой действительности. Если прежде боги жили над землею, то теперь они переселились в ее центр.

Я прочел фрагменты гегелевской философии, фантастические горные мелодии которой мне не понравились. Вновь я хотел окунуться в стихию, но уже с определенным намерением понять духовный мир, как столь же необходимый, конкретный и определенный, как и физический. Я не хотел заниматься дольше фехтовальным искусством.

Я написал диалог приблизительно в двадцать четыре листа: «Клеантус, или об исходной точке и необходимом развитии философии». Здесь до известной степени объединились искусство и наука... Моим конечным тезисом было начало гегелевской системы, и эта работа, ради которой я должен был ознакомиться с естествознанием, Шеллингом и историей, причинила мне бесконечную головоломку и при этом так была написана, что я теперь не могу в ней разобраться. Это мое любимое детище, точно фальшивая сирена, завлекло меня в руки врага.

Со злости я несколько дней совершенно ни о чем не мог думать, точно сумасшедший бегал по саду, по берегу грязной Шпрее, даже отправился на охоту со своим хозяином. После этого я занялся исключительно положительными науками».

Эти письма юного Маркса, напряженно и страстно строившего философские системы и тотчас же с отчаянием их разрушавшего, чтобы строить вновь, доставляли его положительному отцу глубокое огорчение.

В своем ответном письме Маркс-отец раздраженно обвиняет сына в «беспорядочности, нелепой суеде по всем отраслям науки, коптении при тусклой лампе, одичании в ученом шлафроке с нечесаными волосами, вместо одичания за кружкой пива... искусстве вращаться в мире, ограниченном стенами грязной комнаты». Достается при этом юному философу и за невнимательность к финансам. «Точно мы богачи, господин сын позволяет себе в течение одного года истратить почти 700 талеров, вопреки всем условиям, вопреки всем обычаям, и это в то время, как самые богатые тратят не более 500. И почему? Я знаю, что мой сын не мот. Но, помилуйте, как же господин, каждую неделю или каждые две недели изобретающий новые системы и уничтожающий всю прежнюю, с таким усилием исполненную работу, как может такой господин заниматься мелочами? Как он может думать о таких мелочных вещах, как порядок?

Другие – «обыкновенные», конечно, студенты, – продолжает отец язвить сына, – по своей простоте душевной посещают лекцию, ночью спокойно спят и завязывают знакомства. А мой славный, талантливый Карл по целым ночам не спит, истощает дух и плоть в серьезных занятиях; отказывается от всяких удовольствий, чтобы отдаться абстрактным наукам, и то, что он сегодня создает, он завтра разрушает. В конце концов, все свое он разрушил, а чужое не усвоил. В результате – тело оказывается изнуренным, а ум совершенно сбитым с толку, в то время как обыкновенные, маленькие люди спокойно идут своею дорогой и порою лучше или во всяком случае спокойнее достигают своей цели, чем те, которые отказываются от всяких юношеских радостей и расстраивают свое здоровье ради тени учености».

Переписка между сыном и отцом дает очень ценный материал для характеристики Маркса-студента. Карл Маркс, подробно описывая весь ход своих дум и занятий, сообщая о своих неудачных попытках литературного творчества, о своих личных делах, о своих друзьях, при этом ни одним словом не касается ни событий тогдашней жизни, ни вообще каких-либо социальных или политических вопросов.

Среди друзей Маркса-студента мы опять-таки встречаем людей не политической деятельности, а теоретической мысли. Ближе, чем с другими, он сошелся в Берлине со знаменитым исследователем Евангелия Бруно Бауером² и историком Карлом Коппенем. Несмотря на то, что эти люди были на десять лет старше Маркса и уже давно сошли с университетской скамьи, у них очень скоро установились с юным студентом самые близкие товарищеские отношения. Уже тогда Маркс обладал способностью подчинять, покорять своему уму окружающих его людей. В одном письме к Марксу Карл Коппен, бывший уже тогда вполне сформировавшимся умственно человеком, пишет, что с отъездом Маркса из Берлина он, Коппен, «вновь обрел свои собственные, так сказать, самостоятельно продуманные мысли, тогда как до этих пор все мои мысли приходили ко мне с Шютценштрассе» (улица, на которой жил в Берлине Маркс). И в этом же письме Коппен говорит, указывая на одну статью Бауера, что и последний многим был обязан Марксу. «Как видишь, – говорит Коппен Марксу, – ты целый магазин мыслей или, выражаясь на берлинском жаргоне, ты бычачья голова, фаршированная идеями».

Это шутивное письмо Коппена показывает, что уже на студенческой скамье Маркс поражал замечательным богатством своих знаний и железною силою своей логики, поражал не только профанов, но и таких выдающихся по своему таланту и знаниям людей, как историк Коппен и доцент Бруно Бауер. И если мы вспомним приведенное нами выше письмо Маркса к отцу, то нас это, конечно, не удивит. Все силы, помыслы и способности молодого студента поглощены были жадным, неутомимым стремлением к знаниям и выработке цельного мирозерцания. Ночи напролет мучает Маркс свою голову, чтобы самостоятельно разобраться в вопросах общеполитического мировоззрения. Перед ним вырисовывается уже стройная и величественная философская система, кажется, еще несколько штрихов, еще несколько деталей – и она будет закончена, и юный философ, дрожа от восторга, поднимает уже руку, чтобы нанести эти последние штрихи, но его неумолимое критическое око в то же время замечает коренной изъян всего построения, и с отчаянием и злобой он безжалостно разрушает свою систему и на время отворачивается от всякой философии, старается уйти от ее неотвязчивых вопросов в обывательскую жизнь или «положительные знания». Но Маркс не был таким человеком, который мог бы обойтись без стройного мирозерцания и сложить свое оружие после первых неудач. Проходит короткое время, и он, забыв о наложенном им на себя философском воздержании, вновь с прежним пылом обсуждает философские

² Бауер Бруно (нем. Bruno Bauer, 1809–1882) – немецкий теолог, философ-гегельянец, историк. Его воззрения не раз меняли направление. В какой-то момент философ, обладающий большим влиянием на К. Маркса, направляет помыслы на Россию, в которой «видит страну грядущей цивилизации». В конце жизни вновь стал приверженцем и защитником прусского консерватизма. – *Примеч. ред.*

системы со своими друзьями и в своей убогой студенческой комнате вновь возводит смелые философские системы.

Эта, по выражению поэта, «бурь душевных красота» ярко сказалась в приведенном нами письме юного Маркса к отцу. Причем уже в этом письме видно, что Маркс еще на студенческой скамье напряженно искал выхода из противоречий метафизического идеализма и не был слепым последователем царившего тогда в немецкой философии Гегеля. Уже в этом студенческом письме Маркс пишет, что «от идеализма я пришел к заключению о необходимости отыскать идеи в самой действительности... Я прочел фрагменты гегелевской философии, фантастические мелодии которой мне не понравились. Вновь я хотел окунуться в стихию, но уже с определенным намерением понять духовный мир как столь же необходимый, конкретный и определенный, как и физический. Я не хотел заниматься дольше фехтовальным искусством». Таким образом, еще студентом Маркс видел недостатки гегелевского идеализма, хотя, конечно, ничего своего, оригинального он создать на студенческой скамье не успел.

Универсальный курс близился к концу, практическая деятельность юриста совершенно не прельщала Маркса, и его все более и более тянуло к профессорской деятельности. Его близкий друг Бруно Бауер, уже занимавший кафедру раньше в Берлине, а затем в Бонне, усердно уговаривал Маркса поскорее сдать государственный экзамен и записаться доцентом философии в Боннский университет. «Постарайся, – пишет Бауер Марксу, – покончить с твоим жалким экзаменом, чтобы ты мог беспрепятственно отдаться своим работам». И в другом письме Бауер вновь пишет: «Время становится все плодотворнее и прекраснее... Покончи же с твоими проволочками и твоею излишнею вознею, с такою бессмыслицей и с таким фарсом, как экзамен».

Весною 1841 г. Маркс сдал государственный экзамен при Йенском университете и получил степень доктора философии. У Маркса зарождались уже сомнения, не предпочесть ли ему практическую деятельность ученой, и его друг Бауер усердно отговаривал его от этого решения. «Было бы бессмыслицей, – писал Бауер, – если бы ты посвятил себя практической карьере. Теория является в настоящее время самой сильной практикой, а мы даже предвидеть не можем, какое крупное практическое значение она еще получит в будущем».

После некоторых колебаний Карл Маркс решил последовать совету своего друга и занять в Боннском университете кафедру доцента философии. В ту эпоху занятие философией было тесно сплетено с занятиями вопросами религии. Как мы уже знаем, тогдашнее радикальное течение совершалось почти исключительно в чисто идеологической сфере. Молодое радикальное течение вело борьбу со старым порядком посредством философской критики идеологических основ этого порядка, и, углубляясь в эту критику, оно приходило к заключению о необходимости разрушить непогрешимость религиозной санкции существующего строя.

Позже, вспоминая это время, Энгельс писал: «В борьбе с правоверными пиетистами и феодальными реакционерами так называемые молодые гегельянцы – левое крыло – отказывались мало-помалу от того философски-пренебрежительного отношения к жгучим вопросам дня, ради которого правительство терпело их учение и даже покровительствовало ему. А когда в 1840 г. правоверное ханжество и феодально-самодержавная реакция вступили на престол в лице Фридриха Вильгельма IV, пришлось высказаться открыто. Борьба по-прежнему велась философским орудием, но уже не ради отвлеченно-философских целей. Речь шла уже об уничтожении унаследованной религии и существующего государства».

Одним из самых блестящих представителей этой философской критики религии явился уже знакомый нам ближайший друг Маркса – Бруно Бауер.

С увлечением и блеском Бауер вел борьбу с теологическим мирозерцанием, нанося ему все новые удары и раскрывая один за другим все его предрассудки и секреты. Вся моло-

дая радикальная Германия с напряженным интересом и восторгом следила за этой победоносной борьбой Бруно Бауера с теологами. Но как ни заволакивала радикальная школа свою аргументацию философскими туманами, как ни употребляла она вместо всем понятных выражений их головоломные метафизические псевдонимы, но тогдашняя предрешающая власть не могла, конечно, оставить безнаказанным такое колебание всех основ.

В тогдашней Германии вся наука – и в том числе и университетская – находилась под явным надзором полиции, которая моментально вмешивалась, как только с университетской кафедры начинало веять вольным духом. Недаром Берне³ писал: «Пусть только случится, что между испанскими якобинцами найдется какой-нибудь математик – и союзный сейм тотчас же запретит логарифмы».

Лекции Бауера были, конечно, признаны несоответствующими «духу существующего государственного строя», и Бауер был лишен профессуры в Боннском университете.

Этот случай с его ближайшим другом раскрыл Марксу глаза, показал ему, что свободное научное исследование не совместимо было, в тогдашней Германии с занятием университетской кафедры, с которой начальство позволяло лишь защиту, но никак не критику «существующего строя». Тогда Маркс окончательно покинул всякие дальнейшие мечты о профессорской карьере, но покинул их не для того, чтобы отдаться практической карьере в смысле службы или адвокатской практики, а для того, чтобы пуститься в ту единственную область, в которой в тогдашней Германии только и можно было вести серьезную политическую борьбу, – в область публицистики.

К студенческим годам Маркса относится и его первый и единственный «роман». Еще совсем ребенком Карл Маркс подружился с Женни Вестфален, дочерью крупного чиновника, по происхождению – шотландского дворянина. Между семьей Марксов и Вестфаленов установилась тесная дружба, и Карл Маркс был неразлучным товарищем Женни Вестфален во всем играх и занятиях. Но когда Маркс был в последних классах гимназии, ровная, детская дружба между ним и Женни Вестфален вспыхнула яркой, пламенной юношеской любовью.

Женни Вестфален принадлежала к тому счастливому и редкому типу людей, которые страстно любят жизнь во всей ее пестроте, во всем ее разнообразии, одновременно умея и всецело отдаваться ее радостям, и с героической стойкостью переносить все ее ужасы.

В своем родном городе Женни Вестфален слыла «царицей балов» и «самой красивой девушкой Трира», но, умевшая беззаветно веселиться на балах, она, как показала ее долгая жизнь с Марксом, умела с удивительной цельностью, мужеством и сдержанностью переносить те тяжкие и нередкие в ее жизни ужасы, от которых гнулись и ломались сильные мужчины.

Маркс питал к ней пламенную, глубокую страсть, которую не только не потушили, но и не ослабили долгие годы их совместной жизни.

Дочь Маркса рассказывает о своем отце: «В течение всей жизни Маркс питал к своей жене не только любовь, но влюбленность. Предо мною лежит любовное письмо, страстный, юношеский огонь которого заставляет предполагать, что оно написано восемнадцатилетним юношей, а между тем оно написано Марксом в 1856 г. после того, как у него уже было 6 детей от его брака с Женни. Когда смерть его матери заставила Маркса уехать в Трир, то он писал оттуда: «Ежедневно отправляюсь к старому дому Вестфаленов (на Римской улице),

³ Берне Карл Людвиг (наст. Иуда Лейб Барух, нем. Juda Lob Baruch; 1786–1837) – еврейско-немецкий публицист и писатель. По мнению Берне, главным вкладом еврейства в мировую цивилизацию было то, что оно породило идеалы христианства. С возникновением последнего евреи перестали существовать как нация, и отныне их миссия состоит в осуществлении идей космополитизма, в том, чтобы подать всему человечеству пример вненационального существования. К.Л. Берне – выходец из знаменитой франкфуртской семьи банкиров Барухов, которые наряду с другими еврейскими банкирами Германии, США и Российской империи активно спонсировали так называемую «русскую революцию» 1917 года. – *Примеч. ред.*

интересующему меня больше, чем все римские древности, так как он напоминает мне о счастливом юношестве и так как в нем жило мое лучшее сокровище».

Если сорокалетним мужчиной Маркс, по словам его дочери, писал своей жене письма, по страстности своего тона заставляющие предполагать в их авторе восемнадцатилетнего юношу, то можно себе представить, какое пламя любви сжигало его, когда ему действительно было восемнадцать лет. По словам его дочери, Маркс в любви к своей невесте был настоящим «неистовым Роландом».

После окончания гимназического курса, уезжая в университет, Маркс «обручился» со своею невестою, но об этом знали лишь родители Маркса, старикам же Вестфален ни их дочь, ни Маркс не решились открыть своего секрета. Они боялись, что старик Вестфален, несмотря на всю его глубокую любовь к юному Марксу, очень насмешливо отнесется к «обручению» своей дочери с восемнадцатилетним юношей (Маркс был на 4 года младше своей жены), только что сошедшим с гимназической скамьи.

С отчаянием в душе Маркс покидал свою невесту. Все его письма переполнены ею, и даже новые, яркие впечатления университетской жизни, а потом и жизни Берлина не могли заглушить в его душе тоски по Женни и неумолкающего стремления уехать к ней. Уже не раз цитированное нами выше письмо к отцу Маркс заканчивает словами: «Кланяйся моей милой, прелестной Женни. Я уже двенадцать раз перечел ее письмо, и каждый раз я открываю в нем новые и новые прелести».

«Самая красивая девушка Трира» производила чарующее впечатление не только на безумно влюбленного в нее Маркса, но и на всех людей, которые близко с нею сталкивались.

В письмах отца Маркса к сыну сквозит глубокая и нежная любовь старика к Женни Вестфален. И мать Маркса в письме к сыну с любовью и нежностью говорит о Женни и выражает твердую уверенность, что она сделает счастливым ее сына.

Ближайший друг Маркса, Бруно Бауер, в одном из своих писем пишет: «Твоя невеста способна все перенести с тобою, и кто еще знает, что может случиться». Эти слова друга оказались пророческими: судьба не баловала Маркса, и его жена оказалась действительно способной героически «все перенести».

По всей вероятности, под влиянием своей пламенной страсти к невесте Маркс сделался необычайно плодовитым поэтом. В течение всего одного года своего студенчества Маркс успел прислать своей невесте целых три толстых тетради своих стихотворений.

Глава II

Политическое положение Германии в начале сороковых годов. – Окончание Марксом университетского курса и мечты о профессорской деятельности. – Первые литературные произведения Маркса и их характер. – Сотрудничество в «Рейнской газете» и увлечение Гегелем. – Закрытие «Рейнской газеты». – Увлечение Маркса Фейербахом. – Пессимистическое настроение немецкой интеллигенции и оптимизм Маркса. – «Немецко-французские ежегодники» и сотрудничество в них К. Маркса

Царствование Фридриха-Вильгельма III (умер в 1840 г.) было эпохой глухой реакции. Мрачный король защищал неограниченный режим с непримиримостью и неутомимостью своей ограниченной натуры. И чем больше разгоралось оппозиционное движение, тем мрачнее и суровее становилась реакция. В пылу национального увлечения, вызванного освободительной войной с французами, Фридрих-Вильгельм III торжественно обещал даровать немецкому народу конституцию; в двадцатых годах, ввиду стесненного финансового положения государства, он вновь повторил это обещание, но затем не только не приводил его в исполнение, но принялся ожесточенно преследовать всякие разговоры о конституции; все конституционное движение он принимал чуть ли не за личное оскорбление и высказывал твердую уверенность, что ему удастся арестовать все освободительное движение и засадить его в тюрьму. Подобная надежда была, конечно, наивной утопией, но при мрачном реакционном правительстве Фридриха-Вильгельма III освободительное движение не получило в Германии особенно широкого развития. Им был охвачен, собственно, лишь только тонкий верхний слой общественной пирамиды. В широкой массе народа уже началось глухое брожение, но оно еще не получило сознательного политического характера. Рабочий класс был еще очень малочислен и никакой самостоятельной политической роли не играл. Все освободительное движение выносили на своих слабых плечах лишь малочисленная либеральная буржуазия и, главным образом, студенчество, да еще, конечно, литераторы.

И при Фридрихе-Вильгельме III освободительное движение разрасталось и углублялось в широкую народную массу, но суровыми реакционными мерами этому правительству удавалось тормозить его и, главное, замкнуть в тесные рамки волнений интеллигенции.

В 1840 году Фридрих-Вильгельм III умер, и вздох облегчения вырвался из тысячи грудей. Еще при жизни Фридриха-Вильгельма III либеральные слои общества, отчасти из трусости, а отчасти из-за реального бессилия отказавшиеся от открытой борьбы с правительством, все свои надежды и упования перенесли с короля на кронпринца. С наслаждением передавались из уст в уста, рассказы о либерализме кронпринца, о его сочувствии конституционному движению, о его просвещенном уме и мягком характере. И смирные бюргеры с нетерпением ждали смерти старого мрачного короля, с ожесточением топтавшего все полезные ростки жизни.

И когда умер Фридрих-Вильгельм III, и 7 июня 1840 г. на престол вступил Фридрих-Вильгельм IV, все общество предалось необузданной радости, в его настроении произошел резкий перелом от тяжелого отчаяния к бурным надеждам.

На первых порах все шло гладко, и именинное настроение немецкого либерального общества росло. Правда, когда некоторые из собравшихся ландтагов, принося новому королю присягу, в самых почтительных выражениях напомнили ему о давнишнем обещании

его отца дать народу конституцию и выразили глубокую уверенность, что сын, конечно, не замедлит исполнить торжественное обещание отца, то Фридрих-Вильгельм IV отнюдь не ответил утвердительно. Но в то же время он и не рассердился и не закричал на депутатов за их бессмысленные мечтания, а по тогдашним жестоким временам и это уже было не мало. Король ответил очень туманной речью, никаких конституционных обещаний не содержащей, но либеральное общество предпочло истолковать эту витиеватую речь в смысле симпатии короля к конституционализму. Но король сам поспешил рассеять эти иллюзии либералов. Опубликовав речи депутатов от земств и ответную речь короля, правительственный орган при этом выразительно присовокупил, что он предаст гласности эти официальные документы с тем, «чтобы положить конец превратным толкам о том, будто король в своей ответной речи высказал одобрение петиции депутатов о провозглашении конституции на основании указа 22-го мая 1815 года».

Наконец, в своей речи, обращенной к немецкому дворянству, Фридрих-Вильгельм IV ясно и громогласно заявил во всеуслышание, что ни о какой конституции он и не помышляет. «Я твердо помню, – сказал король в этой речи, – что получил свою корону от Всевышнего Господа и перед ним я ответственен за каждый день и каждый час своего правления. И кто требует от меня гарантий на будущее, тому я адресую эти слова. Лучшей гарантии ни я и никакой другой человек дать не могут. И эта гарантия прочнее, чем все присяги, чем все обещания, закрепленные на пергаменте, ибо она вытекает из самой жизни и коренится в ней... И кто хочет довольствоваться простым, отеческим, древнехристианским правлением, тот пусть с доверием взирает на меня».

За каких-нибудь 2–3 года со времени восшествия на престол Фридриха-Вильгельма IV оппозиционное движение сделало в Германии значительные шаги вперед. Фридрих-Вильгельм IV своими постоянными колебаниями между либеральными уступками и реакционными гонениями как нельзя лучше служил росту оппозиционного движения, которое всегда выигрывало от подобных растерянных колебаний правительственного курса. Брожение во всей стране росло и вширь, и вглубь, оно все лучше политически организовывалось, оно захватывало все более и более широкие слои. Отношения между правительством и народом благодаря этому все более обострялись. Еще недавно провозглашенная новая эра взаимного доверия быстро отходила в прошлое, а борьба между правительством и народом ярко разгоралась. Уступки, которые время от времени правительство со злобой бросало в угоду ненасытному времени, не только не останавливали, но еще усиливали оппозиционное движение.

Фридрих-Вильгельм IV был серьезно уверен в божественности своей власти, а между тем в стране «божественный авторитет» королевской власти находил все менее и менее верующих. Народ начинал все более и более скептически относиться к уверениям правительства. «Самой характерной чертой переживаемой эпохи, – говорит один из современников, – является упадок веры в правдивость правительства. Даже делались все усилия, чтобы открыто заявить об этом недоверии. Так, например, в Берлине появилась книга «Речи и тосты короля», представляющая простое сопоставление различных речей короля и на этом примере иллюстрирующая, насколько официальные речи не отвечают истине. Ореол власти Божьей Милостью уже не ослеплял глаз, пурпур уже не скрывал человека».

Как глубоко понимало правительство характер оппозиционного движения, хорошо показывает заявление кенигсбергского обер-президента, уверявшего, что он «вполне точно знает, что кенигсбергские либералы находятся на жалованье у русского правительства».

Такова была общая атмосфера политической жизни Германии той эпохи, когда Карл Маркс, сдав свой государственный экзамен, собирался вступить на поприще профессорской деятельности. Мы же видели, что реакционные гонения, предпринятые немецким правительством против ближайшего друга Маркса Бруно Бауера, и лишение последнего кафедры ясно показали Марксу, что с кафедр тогдашней Германии свободная наука не могла препода-

ваться. Оставив окончательно мысль о профессорской деятельности, Маркс решил отдаться публицистике.

К публицистике его давно тянуло, и еще на университетской скамье он делал неудавшиеся попытки литературной деятельности. Переписываясь с Бруно Бауером о своей преподавательской деятельности по кафедре философии, Карл

Маркс в то же время планирует со своим другом издание радикального журнала. И как только при первом же столкновении с суровой жизнью разбились его мечты об университетской кафедре, Маркс принялся за литературу.

С восшествием на престол Фридриха-Вильгельма IV у либерального общества появилась надежда, что теперь печать, наконец, вздохнет свободно, и действительно, новый король не скупился на комплименты по адресу печати, а через некоторое время появились новые инструкции цензорам, обещавшие в «разумных пределах» водворить свободу печати. В высочайшем послании по поводу подготовляемых новых законов о печати говорилось: «Для того, чтобы уже теперь избавить прессу от неуместных, не соответствующих Высочайшим видам ограничений, Его Величество в Высочайшем послании к государственному министерству твердо высказал свое неудовольствие по поводу неуместных притеснений литературной деятельности и признал значение и необходимость свободной и приличной публицистики».

По поводу этих-то сборов правительства соединить цензуру со свободой прессы и напечатал свою первую статью Карл Маркс.

Обещание дать свободу печати нисколько, конечно, не мешало правительству Фридриха-Вильгельма IV на деле продолжать все ту же старую политику свирепого преследования малейшего намека на действительно свободное слово.

Маркс предназначал свою статью для журнала «Deutsche Jahrbücher», но статья эта еще не была закончена, когда свирепствующая цензура сделала невозможным ее появление в этом журнале. Редактор этого журнала Руге⁴ по поводу цензурных преследований писал Марксу от 25 февраля 1842 г.: «Дорогой друг, одновременно с вашей критикой цензуры прусская тенденционная цензура активно принялась за наш «Ежегодник». Вот уже целая неделя, как цензор вычеркивает нашу «вредную тенденцию». Можете себе представить, что из этого выходит. Ваша статья не может появиться; все, что напоминает о Бауэре, Фейербахе и обо мне, не пропускается. Благодаря этому, в моем распоряжении оказался подбор прекрасных и пикантных вещей, уготовляющих цензуре оглушительную пощечину. Не согласитесь ли вы, чтобы и ваша статья вместе с другими запрещенными статьями была напечатана в Швейцарии в сборнике «Anecdota philosophica» Фейербаха, Бауера, Руге и др., если вы не захотите, чтобы было названо ваше имя».

Маркс, конечно, согласился. В начале марта появились два тома сборника «Anecdota», в которых была помещена статья Карла Маркса. Сборник носил название «Anecdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik» herausgegeben von Arnold Ruge».

Статья Маркса, подписанная псевдонимом «Житель Рейна», тогда же обратила внимание на начинающего литератора. И действительно, чуждая всякой декламации и фразы, эта статья мастерски разбирает по косточкам всю цензурную инструкцию прусского правительства; спокойно и твердо рукой вскрывает все ее замаскированные внутренние противоречия и доказывает, что немецким писателям не приходится надеяться, что подобные инструк-

⁴ Руге Арнольд (1802–1880) – немецкий писатель и политический деятель. В 1837 г. принял участие в основании радикального журнала «Hallische Jahrbücher für Kunst und Wissenschaft», а после его закрытия переехал в Дрезден, где стал издавать «Deutsche Jahrbücher». Атеист по убеждениям; полемизируя с Марксом о роли еврейства в будущих мировых революциях, писал, что «это черви в сыре христианства, которые чувствуют себя столь несказанно хорошо в своей шкуре биржевых маклеров, что они ни во что не верят и остаются евреями именно по этой причине». Близкий друг Карла Маркса и один из видных членов I Интернационала. – *Примеч. ред.*

ции могут улучшить их положение. Обнаруживая в авторе глубокий, анализирующий ум, эта статья, однако, еще не носит ни малейших следов чего-либо специфически-марксистского.

В этой статье, по всей видимости, Карл Маркс еще не стоял не только на социалистической, но и на крайней радикальной точке зрения. Он начинает свою статью с заявления: «Мы не принадлежим к числу тех недовольных, которые еще до выхода нового цензурного эдикта восклицали: *«Timeo Danaos et dona ferentes»* («Бойся данайцев, дары приносящих»)). Но по отношению к прусскому самодержавному правительству подобное авансированное недоверие было, конечно, как нельзя более уместно.

Заканчивает свою статью Маркс тоже следующими скромными словами: «Единственным радикальным излечением цензуры является ее устранение. Самое учреждение плохо, а учреждение сильнее людей. Но окажется ли ваш взгляд правильным или ошибочным, во всяком случае, прусские писатели выигрывают благодаря новой цензурной инструкции, выигрывают, получив или реальную свободу, или идеальную: «сознание».

Сотрудничество Маркса в «Anecdota» ограничилось лишь вышеупомянутой статьей о цензуре, да и сами «Anecdota» вышли всего в двух выпусках, а затем прекратились. В это время для Маркса открылось уже в его родной рейнской провинции новое, более широкое и более ответственное поприще литературной деятельности: сотрудничество во влиятельной «Рейнской газете», а затем и редактирование ее.

И в экономическом, и в политическом отношениях рейнская провинция была наиболее передовой частью Германии. В то время, как в остальной Германии лишь начинала развиваться крупная промышленность, в рейнской провинции она уже сделала крупные завоевания.

В политическом же отношении рейнская провинция обогнала всю Германию благодаря тому, что со времен наполеоновского завоевания в ней остался кодекс Наполеона, который, по сравнению с политическими порядками остальной Германии, казался «революционным».

Вследствие этого в рейнской провинции оппозиционное движение против абсолютизма развилось сильнее, чем во всей остальной Германии, и нашло себе влиятельную и внушительную опору в лице богатой и довольно многочисленной либеральной буржуазии. Ее руководителями являлись два крупных промышленных деятеля, Кампгаузен и Ганземанн. Ганземанн для проведения в жизнь либеральной политической программы крупной буржуазии испробовал раньше излюбленный тогдашними немецкими либералами и радикалами путь – через голову бюрократии обращаться непосредственно к королю. В своем докладе королю Ганземанн очень красноречиво и убедительно доказывал немецкому самодержцу необходимость введения хотя бы умереннейшей конституции. Из этой записки ничего, конечно, не вышло, кроме неприятностей для самого Ганземанна, который был немедленно внесен в списки неблагонадежных и постоянно привлекал к себе немилостивое внимание администрации.

Ганземанн и Кампгаузен решили тогда для борьбы с абсолютизмом и проведения конституционных идей основать ежедневный орган «Рейнскую газету».

Если в социально-политическом смысле «Рейнская газета» была органом либеральной крупной буржуазии, то в общеидейном отношении она явилась органом радикальных левых гегельянцев. Левые гегельянцы – в противоположность правым – выводили из учения Гегеля чрезвычайно радикальные социально-политические взгляды, и в первой половине сороковых годов левые гегельянцы стояли в передовых рядах освободительного движения.

Немецкое правительство первое время возвело гегелевскую философию в придворный сан, признало ее философией предрежающих властей, но когда молодые левые гегельянцы, завоевывая все более широкие симпатии, стали доказывать революционный смысл гегелевской философии, то правительство начало смотреть на гегельянство совершенно иными глазами. Когда, например, старые профессора гегельянцы Ото, Фатке и Бенари обратились к

министру Эйхгорну с просьбою о разрешении им издавать газету, то они получили отказ, мотивированный тем, что «не располагая практическими, жизненными знаниями церковных и государственных вопросов, они будут руководить газетой с точки зрения гегелевской философии, которая, по мнению министра и всех высших прусских государственных людей, находится в непримиримом противоречии с церковью и государством».

Но понятно, что если прусское правительство запрещало издание органа старых гегельянцев, ссылаясь на неблагонадежный характер гегелевской философии, то рейнская либеральная буржуазия, основывая радикальный политический орган, постаралась привлечь к участию в нем всех выдающихся левых гегельянцев.

К сотрудничеству в «Рейнской газете» были привлечены Бауер, Маркс, Штирнер, Рутенберг, Коппен, Гесс и др.

В то время, когда была в Кёльне основана «Рейнская газета» (в январе 1842 г.), Маркс с Бауером жили в Бонне, куда ему была послана просьба о сотрудничестве, и он принял это приглашение с радостью.

Программа «Рейнской газеты» сводилась к требованию введения всеобщего избирательного права, свободы печати, совести и т. д., словом, к обычным конституционно-демократическим требованиям. В социальной области «Рейнская газета» выдвигала требование прогрессивного подоходного налога – отмены налога на предметы первой необходимости и т. д. Наконец, газета требовала роспуска постоянного войска.

Маркс принял самое деятельное сотрудничество в «Рейнской газете». Его первые же статьи (о прениях рейнского ландтага по поводу свободы печати) обратили на него внимание и выдвинули его в первые ряды тогдашних немецких публицистов. «Ваши статьи о свободе печати, – писал ему Юнг, – необыкновенно хороши». «Никогда еще не было написано ничего более глубокого и не может быть написано ничего более глубокого о свободе печати, писал Арнольд Руге по поводу этих первых статей Маркса в «Рейнской газете».

Не удивительно, что Маркс быстро занял первое место среди блестящего состава сотрудников новой газеты, и с осени 1842 года он был приглашен редактировать «Рейнскую газету».

Статьи Маркса в «Рейнской газете», обнаруживая в авторе блестящего и глубокого публициста, показывают, однако, что Маркс в то время еще совсем не был марксистом и его мысль еще всецело находилась под влиянием чар гегелевской философии. Это сказалось прежде всего в манере изложения, характере аргументации, всем ходе мышления. На каждом шагу в этих публицистических статьях мы наталкиваемся на чисто гегелевское «развертывание» понятий.

Перегонкой живых общественных явлений в бесплотные абстракции и категории страдают в значительной степени первые статьи Карла Маркса.

Например, в статье по поводу прений ландтага о праве крестьян на сбор хвороста в лесах – вопросе, очень волновавшем всю рейнскую провинцию, – Маркс, между прочим, пишет, защищая крестьян: «Разум, таким образом, путем применения существующих категорий абстрактного частного права, вскрывает переходный колеблющийся характер форм собственности. А законодательствующий разум чувствует себя тем более вправе отменить обязательства этой колеблющейся собственности по отношению к бедному классу... но при этом он забывает, что перед нами здесь, даже с чисто частноправовой точки зрения, двойственное частное право – частное право владения и частное право невладения и что, далее, законодательство не уничтожает государственно-правовых привилегий собственности, а только лишает их авантюристского характера и придает им буржуазный характер» и т. д. Наконец, переходя к доказательству права крестьян на сбор хвороста в лесу, Маркс пишет: «Хворост так же мало органически связан с живым деревом, как сброшенная кожа со змеи. Сама природа здесь представляет контраст между бедностью и богатством в виде кон-

траста между сухими, отделенными от органической жизни, согнутыми ветками и сучьями, с одной стороны, и крепкими, сочными, органически перерабатывающими в свою сущность воздух, свет, воду и землю деревьями и стволами – с другой стороны. Мы имеем здесь перед собою физическое представление о бедности и богатстве. Человеческая бедность чувствует свое родство с этой физической бедностью и из этого чувства родства выводит свое право собственности, и если поэтому физически органическое богатство она виндицирует⁵ собственнику, то физическую бедность она виндицирует своей потребности и всем ее случайностям».

Так защищал Маркс на страницах ежедневной газеты право крестьян на сбор хвороста! Тогда все гегельянцы не успокаивались до тех пор, пока из живого явления не были высосаны плоть и кровь и бесплотные абстракции не были насажены на соответствующую философическую булавку.

Но гегельянство Маркса в его первых статьях не ограничивалось этою внешнею «гегельянскою» аргументацией, оно шло гораздо глубже и определило собою основную исходную точку зрения Маркса на государство и право.

Гегель, как известно, смотрел на государство, как на высший нравственный организм, воплощающий в себе полноту добра и истины. Государство проникнуто единой и нераздельной великой идеей, растворяющей эгоизм отдельных людей в единый «дух государства». В государстве находят свое примирение те разнородные начала, которые борются в человеке и человеческих группах. Государство стоит над этой борьбой, выше ее.

На этом отвлеченно-идеалистическом взгляде на государство стоит в своих первых статьях Карл Маркс. В уже знакомой нам статье о цензуре, напечатанной в «Anecdota», Маркс доказывает, что новый прусский закон о цензуре делает различие между лицами тех или иных убеждений, а подобного рода законы «опираются на бессовестность, на безнравственное, материальное представление о государстве». И в своих первых статьях Маркс выступает противником «безнравственного, материального представления о государстве». В своей политической статье против «Кельнской газеты» Карл Маркс подробно излагает свой взгляд на государство. Этот взгляд оказывается всецело проникнутым учением Гегеля.

Маркс доказывает здесь ненужность религиозной санкции государства. «Одно из двух, – говорит он, – или христианское государство соответствует понятию государства: *быть воплощением разумной свободы*, тогда достаточно обосновать государство на *разуме человеческих отношений*, а это и делает философия. Или же государство, как разумная свобода, не может быть выведено из христианства, а тогда вы сами должны признать, что государство не может быть обосновано на тенденции христианства, ибо христианство, конечно, не желает иметь дурное государство. Государство же, которое не является воплощением разумной свободы, есть дурное государство.

Вы можете как угодно разрешать эту дилемму, но вы должны признать, что государство должно быть конструировано не из религии, а из разума свободы».

«Новейшая философия, – говорит Маркс в заключение этой статьи, – рассматривает государство как цельный организм, в котором воплотились правовая, нравственная и политическая свобода, и отдельный гражданин, подчиняясь государственным законам, подчиняется этим самым лишь единственным законам своего собственного разума».

Из этих слов Маркса ясно видно, что в своих первых статьях он всецело стоял на гегелевской теории государства, как «воплощении разумной свободы», как нравственном организме, в себе поглощающем и примиряющем все расхождения и столкновения частных интересов. Такой идеалистический взгляд на государство мешал Марксу на первых шагах его

⁵ Виндицировать – от виндикация, общее название для вещных исков; также означает иск собственника о признании его права собственности на вещь и о передаче ему на этом основании его вещи. – Примеч. ред.

литературной деятельности дать широкую и обобщающую картину борьбы общественных сил в тогдашней Германии. В этом отношении особенно любопытна его статья о праве крестьян на собирание хвороста в частновладельческих лесах. Маркс с самого начала выступил убежденным и красноречивым защитником крестьян и блестящим обличителем каннибальских инстинктов лесовладельцев. Но в то время, как эти лесовладельцы, руководимые верным социальным инстинктом, уверенно обращались к государству и просили его законодательным и административным путем преградить крестьянам возможность собирать в лесах сучья, хворост, ягоды и т. д., в это самое время миражи гегелевской философии государства застилали левым гегельянцам глаза и заставляли их вместе с Карлом Марксом доказывать, что государство не может и не должно стать на сторону лесовладельцев, ибо государству чужды какие бы то ни было эгоистические цели.

«Истинный законодатель, – говорит по этому поводу Маркс, – должен бояться бесправия – в противоположность этому законодательствующий интерес боится последствий, вытекающих из права, боится тех злых сил, против которых существуют законы». В противоположность частным лицам и группам, для государства «и собственник леса, и крестьянин, таскающий из леса хворост, являются гражданами. Если мелкий и крупный собственник леса имеют одинаковое право на защиту со стороны государства, то разве не располагают в еще большей степени этим же правом все крупные и мелкие граждане?» Государство должно отнестись в тяжбе между крестьянами и помещиками как учреждение, стоящее над этою борьбою. Помещики, не могущие подняться до государственной точки зрения, добиваются того, чтобы государство упало до частновладельческой точки зрения. По отношению ко всем домогательствам превратить государство в представительство частных, сословных интересов, «всякое совершенное государство, если оно хотя сколько-нибудь соответствует своему понятию, должно при первой же практической попытке подобного рода громко заявить: ваш путь не мой путь и ваши намерения не мои намерения».

Эти слова Маркса непререкаемо показывают, что в своих первых литературных произведениях он еще всецело стоял на чисто идеалистической, гегельянской точке зрения на государство и право. Но работа в «Рейнской газете», поставившая его лицом к лицу с практическими вопросами государственной деятельности, заставила Маркса признать, что из одной гегелевской философии нельзя «выводить» решения все острее становившихся на очередь дня социально-политических вопросов. Маркс по мере своей редакторской и публицистической деятельности все осязательнее чувствовал необходимость заняться серьезным изучением социально-политических вопросов и выработкой социально-политического мирозерцания. В частности, во время работы в «Рейнской газете» Маркс столкнулся впервые с необходимостью внимательно изучить социализм и занять к нему определенную позицию. В «Рейнской газете» сотрудничали, правда, в качестве второстепенных сотрудников несколько социалистов, за что умеренные охранительные газеты еще больше на нее косились, а когда «Рейнская газета» перепечатала одну статью из «Юного поколения» Вейтлинга, то охранительная «Аугсбургская всеобщая газета» воспользовалась этим случаем, чтобы обвинить ненавистную ей «Рейнскую газету» в сочувствии коммунизму. Маркс на страницах «Рейнской газеты» ответил на это «обвинение» и в своем ответе открыто признал и заявил, что редакция «Рейнской газеты» (а редактором был Маркс) еще не выясняла своего отношения к коммунизму, она еще недостаточно его изучила, и только после основательного ознакомления с ним она сумеет занять по отношению к нему ту или иную позицию.

«Рейнская газета», – писал Маркс в 1843 г., – никогда не заявляла сочувствия теоретической истинности коммунистических идей в их современной форме и, конечно, еще менее стремилась к их практическому осуществлению и даже не считает его возможным. Она подвергает эти идеи основательной критике. Но если бы «Аугсбургская газета» способна была бы к чему-нибудь большему, чем выложенные фразы, то она бы тогда поняла, что сочинения

таких людей, как Леру, Консидеран, и прежде всего такие глубокие сочинения, как книги Прудона, могут подвергаться критике не на основании поверхностных, скоропалительных суждений, а только после продолжительных и глубоких исследований».

Таким образом, в 1843 г. Маркс, как он это открыто заявил, только начинал знакомиться с социализмом и только уяснял самому себе отношение к коммунизму. Еще на студенческой скамье Маркс, как мы уже видели в первом очерке, никогда не высказывал определенных суждений по тому или другому вопросу общего мировоззрения, не занявшись предварительно долгим, основательным и всесторонним изучением этого вопроса. И теперь, когда полемика с «Аугсбургской газетой» еще раз показала ему необходимость отдаться серьезному изучению социально-политических вопросов, его вновь потянуло с поприща публицистики в тишь кабинета⁶.

В то время как Маркс разрешал текущие вопросы на основании анализа «понятия» частной собственности, «понятия» государства, «понятия» права, помещики и чиновники, не имея никакого понятия обо всех этих «понятиях», успешно практически разрешали вопрос в свою пользу. Помещики проявили при этом чисто каннибальскую жестокость, решив «раз навсегда» уничтожить у крестьян «коммунистические замашки». Лесничим был отдан приказ стрелять во всех охотящихся без разрешения в помещичьих лесах; лесничие усердно исполняли это приказание и, чтобы избежать судебной волокиты, предавали сожжению трупы убитых порубщиков леса и браконьеров.

Маркс из гегелевского понятия о государстве как о «нравственном организме» «выводил», что государство не может стать на сторону помещиков, но на самом деле государство из своих интересов «вывело», что оно должно стать на защиту помещиков, и решительно стало.

Это еще раз убедило Маркса в необходимости заняться внимательным изучением реальных социальных отношений существующего общества, его еще сильнее начинало тянуть из редакторской комнаты в библиотеку. Немецкое правительство обратило это желание Маркса в необходимость – «Рейнская газета» была закрыта.

Яркий радикальный тон этой газеты, ее большой успех, ее сильное влияние – уже давно обратили на себя тревожное внимание немецкого правительства. Раньше оно пробовало усмирить газету внушениями, советами, предостережениями, но ничего не помогало. Тогда правительство назначило для газеты специального цензора, двойную цензуру, но и цензура оказалась бессильной, так как ловко переодетые в гегелевские абстракции неблагонамеренные мысли проходили через цензурные рогатки. Тогда правительство 1 января 1843 г. постановило, что к 1 апреля 1843 г. газета должна прекратить свое существование. Правительство при этом заявило, что оно до сих пор не прекращало газеты и теперь оттягивает смертный приговор до 1 апреля, имея при этом в виду материальные интересы акционеров и подписчиков; а пока, до наступления 1 апреля, к газете был приставлен специально выдрессиро-

⁶ Маркс сам рассказывает об этом в предисловии: «К критике политической экономии». «Моею специальностью, – говорит он, – была юриспруденция, которую, однако я проходил, как подчиненную науку, наряду с изучением философии и истории. В 1842–1843 году, состоя редактором «*Rheinische Zeitung*», я впервые поставлен был в затруднение, так как должен был высказывать суждения о так называемых материальных интересах. Постановления рейнского ландтага по поводу лесных порубок и дробления земельной собственности, официальная полемика, в которую г. фон Шапер, тогдашний обер-президент рейнской провинции, вступил с «*Rheinische Zeitung*» по вопросу о положении мозельских крестьян, наконец, дебаты о свободной торговле и покровительственных пошлинах – послужили первым толчком для моих занятий экономическими вопросами. С другой стороны, в то время, когда благое желание «иди вперед» во много раз превышало понимание вещей, в «*Rheinische Zeitung*» отражалось эхо французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого кропанья, но вместе с тем в полемике с «*Allgemeine Augsburger Zeitung*» откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне составить самому себе определенное суждение о французских направлениях. Я охотно поспешил воспользоваться иллюзией руководителей «*Rheinische Zeitung*», которые думали, что более умеренным ведением газеты они смогут отклонить висевший над ней смертный приговор, чтобы удалиться с публичной арены для научных занятий» {*К. Маркс. К критике политической экономии. Перев. П. Румянцева. СПб., 1907. С. 12*}.

ванный цензор. Давление со стороны акционеров, умиленных заявлением правительства, и гонения со стороны цензора заставили редакцию «Рейнской газеты» прекратить свое участие раньше назначенного газете срока запрещения. В номере от 18 марта 1843 г. появилось заявление Карла Маркса: «Нижеподписавшийся заявляет, что *наступившие цензурные условия* заставляют его выйти из состава редакции».

В лице «Рейнской газеты» Маркс сумел создать самый замечательный орган той эпохи.

Эта газета сыграла, несмотря на свое очень кратковременное существование, значительную роль в деле политического развития немецкого общества. Об этом свидетельствуют отзывы о ней современников. Один из самых проникательных ее современников Эрнст Дронке в своей интересной хронике той эпохи (с 1840–1845 г.) «Берлин», несколько раз отмечает глубокое влияние этой газеты.

«Новый год, – говорит Дронке о 1842 г., – ознаменовался выходом нового органа общественного мнения, основанного на акциях «Рейнской газеты» в Кёльне. По своей решительности эта газета скоро перегнала все другие и безусловно заслужила в истории немецкой прессы первое, самое выдающееся место». Несколькими страницами далее он отмечает «общие симпатии страны, завоеванные этою газетою в самое короткое время».

Во втором томе, говоря о зарождении социалистического движения в Германии, Дронке отмечает, что этому движению предшествовала борьба за свободные права человека, а эта борьба нашла своего первого выразителя в «Рейнской газете», «этом метеоре, который внезапно так высоко и ярко вспыхнул во тьме немецкой жалкой прессы и так же внезапно исчез».

Когда «Рейнская газета» была закрыта, то значительное количество кельнских граждан обратилось к королю с петицией о снятии запрещения. К королю даже была отправлена для этого специальная депутация, но, конечно, из этого ровно ничего не вышло, а адвокаты и нотариусы, подписавшие эту петицию, получили через министра юстиции высочайший выговор, и им было внушительно предложено «озаботиться приобретением более зрелых воззрений»...

Маркс воспользовался прекращением «Рейнской газеты» для того, чтобы исполнить свое настойчивое желание – погрузиться в изучение социально-политических вопросов и выяснение своего социально-политического мировоззрения. Эта глубокая внутренняя работа, прерываемая лишь личными делами и переговорами об основании нового журнала, длилась целый год, и Маркс вышел из нее со значительно обновленным мировоззрением! – он сделался горячим последователем философии Людвиг Фейербаха.

Философия Фейербаха как нельзя лучше шла навстречу затаенным желаниям передовой немецкой интеллигенции, стосковавшейся на холодных высотах гегелевских абстракций по живому и действующему человеку. Маркс, как мы видели, во время своей публицистической деятельности в «Рейнской газете» освещение социально-политических вопросов «выводил» из гегелевских понятий, но очень скоро убедился, что многообразная и все усложнявшаяся социальная жизнь не укладывается в эти понятия. Маркс был слишком глубоко проникнут верою во всеильную власть философии, прошел слишком основательную философскую школу, чтобы, убедившись в недостаточности гегелевской философии, отбросить вообще всякую философию и отдаться социально-политической деятельности, не освещенной, не осмысленной общим философским мировоззрением. Такое стремление к живой, жизненной философии испытывала тогда вообще радикальная немецкая интеллигенция. И когда Л. Фейербах выступил с проповедью этой живой, жизненной философии, когда, на место гегелевской абстракции Фейербах торжественно воздвиг в центре философской системы живого и действующего человека, немецкая передовая интеллигенция, и в ее числе Маркс, встретили это учение с неописуемым энтузиазмом.

В 1841 г. вышло знаменитое сочинение Фейербаха «Сущность христианства», в котором автор не только разрушал теологические предрассудки, но и провозглашал свою гуманитарную философию, как нельзя более отвечающую настроению тогдашней радикальной интеллигенции Германии. В предисловии к этому сочинению (ко второму изд.) Фейербах так характеризовал сущность развитого в ней общефилософского мировоззрения: «Я совершенно не похож на тех философов, которые умышленно закрывают свои глаза, чтобы легче было мыслить, напротив, в процессе мышления я прибегаю к помощи всех чувств и, прежде всего, глаз; я строю свои мысли и идеи на таком *материале*, который мы усваиваем себе только посредством деятельности чувств, я создаю не предметы из идей, а, наоборот, идеи *из предметов*, а предметом я считаю только то, что существует *вне моей головы*. Я идеалист лишь в области *практической* философии, т. е. грани настоящего и прошедшего я не делаю гранью для будущего, для человечества, а, напротив, я верую непоколебимо, что многое и даже очень многое из того, что близорукие, малодушные практики ныне считают фантазией, неосуществимой идеей или химерой, завтра, т. е. в следующем столетии, предстанет перед нами во всей своей реальности. Одним словом, идея для меня есть вера в историческую будущность, в торжество истины и добра, и она имеет для меня лишь *политическое* и *моральное* значение, но в области собственно теоретической философии я, в противоположность гегелевской философии, высказываюсь за реализм и материализм».

В том самом журнале, в котором начал свою литературную деятельность Карл Маркс, друг Маркса и редактор журнала Арнольд Руге поместил восторженную статью о «Сущности христианства» Фейербаха.

«Рассуждения Фейербаха, – говорит А. Руге, из гегельянца сразу превратившись в фейербахианца, – столь же новы и неожиданны, сколь неопровержимо истинны и просты. Фейербах смело идет навстречу будущему, и благодаря отрицанию всего прежнего воззрения перед ним вырастает все разнообразие новых и положительных взглядов на религию, образование и историю. Он поступает при этом вполне в духе истории: корабль, который провел его к новым берегам, он не тащит за собою внутрь страны; он сбросил со своих рук и своей памяти цепи Прометея; он сжигает злые духи прошлого в чистом эфире современного самосознания».

Руге дальше показывает, что философия Фейербаха есть не что иное, как философское благословение на смелую политическую борьбу с реакцией. «Философия, – говорит он, – теперь втянута в практическую борьбу в текущую историю; поднимаются крики о ее «неблагонадежности», об ее «разрушительных стремлениях», пытаются поднять против нее всю массу человеческой глупости и ограниченности, а почему? Потому, что эта философия завоевывает теперь в науке то, что уже отвоевала история, потому, что она является последней и высшей санкцией новой эпохи; потому, что она не шутит с такими вещами, как свобода духа и жизни, потому, наконец, что это серьезное отношение, хотя бы оно и носило чисто теоретический характер и не сходило с высот науки, по необходимости является *фактическим* отрицанием господствующего практического направления, или, скажем прямо, *реакционной* партии, в принципе отрицающей реформацию и французскую революцию, низвергающей духовную и политическую свободу».

И Фейербах поместил в этом журнале статью, в которой он в афористической форме излагает основные принципы своей философии. «Философия, – говорит он, – есть познание того, что существует. Познавать вещи и их сущность таковыми, каковы они суть, – таков высший закон, такова высшая задача философии». Говоря о социалистических теориях немецкой интеллигенции, нам придется еще говорить о том, как сильно и прочно философия Фейербаха окрасила собою все мирозерцание немецких передовых писателей, а здесь мы отметим лишь, что и Маркс беззаветно увлекся этой философией, очевидно, после того, как, поневоле прекратив свою публицистическую деятельность ввиду запрещения «Рейн-

ской газеты», он погрузился в разработку вопросов социально-философского мировоззрения. И Маркс с увлечением воспринял гармонистическую философию Фейербаха как превосходное духовное орудие в жестокой практической борьбе со старым порядком. Если из гегелевской философии немецкая интеллигенция, в лице левых гегельянцев, делала самые радикальные социально-политические выводы, то по отношению к философии Фейербаха подобные выводы не только сами собою напрашивались, но и указывались самим же Фейербахом. В лице Фейербаха жизнь и философия нашли себе полное и гармоничное объединение. «Нам говорят, – писал Фейербах, – что наука не разрешает загадки жизни, но что же из этого следует? Необходимость обратиться к вере? Но это бы значило – броситься из огня в полымя. Нет, из этого следует лишь то, что ты должен перейти к жизни, к практике. Сомнение, которого не разрешает теория, разрешит тебе практика».

И мы видели из приведенных выше слов Арнольда Руге, что передовая немецкая интеллигенция с самого начала поняла систему Фейербаха как философское благословение, как философский апофеоз смелой политической борьбы с реакцией во всех ее видах и проявлениях.

В своей известной книжке «Людвиг Фейербах» Энгельс рассказывает о том, какое глубокое впечатление произвела на него и Маркса книга Фейербаха «Сущность христианства».

«Кто не пережил, – говорит Энгельс, – освободительного влияния этой книги, тот не может представить его себе. Мы все были в восторге, и все мы стали на время последователями Фейербаха». Но если мирозерцание Фейербаха и примиряло практическую политическую борьбу с философскою совестью, если оно звало на эту борьбу, то, однако, само по себе оно не давало сколько-нибудь надежного практического руководства для этой борьбы. Социально-политические воззрения самого Фейербаха отличались большою путанностью, и, в частности, по своему воззрению на государство он еще твердо стоял на идеалистической точке зрения. А между тем социально-политическая жизнь Германии все усложнялась, и приходилось, вместо отвлеченных философских формул, обратиться к изучению социальной действительности, ее сил и отношений. Прежде всего, к половине сороковых годов уже и для умеренных немецких либералов выяснилась необходимость сбросить со своих политических счетов надежду на то, что абсолютизм сам себя ограничит, добровольно даст конституцию. Для тех умеренных либералов, вся политическая платформа которых исчерпывалась подобным упованием, крушение этой надежды означало политическое банкротство, и не удивительно, что они впали в глубокую апатию, тоскливое уныние. Но и более радикальные слои чувствовали себя в эту эпоху невесело. Они знали, что немецкий абсолютизм, в лице такого короля, каким был Фридрих-Вильгельм, не совершит добровольного самоубийства, и они искали те реальные силы, которые бы заставили его это сделать. Как ни сильно негодовала, волновалась и рвалась в бой немецкая интеллигенция, но все-таки ей было ясно, что ей одной не по плечу исторический переворот, что все ее волнения представляют собой лишь легкую рябь на тихом океане тогдашней народной жизни, что эта рябь бессильна вынести освободительное движение в обетованную гавань конституционализма. И только тогда, когда грозно всколыхнулся доселе тихий океан народной массы, только тогда могущественно ожили надежды; в эпоху же закрытия «Рейнской газеты» народ, за редкими исключениями, еще политически безмолвствовал и уныние и апатия охватывали ряды либеральной и радикальной интеллигенции.

Берлинский корреспондент «Кельнской газеты» сообщает в № 61 за 1843 г., что «наша публика, по-видимому, снова постепенно перестает интересоваться текущими вопросами отечественной жизни. По-видимому, бесплодность стремлений породила какое-то безразличное настроение и заставила отказаться от всяких дальнейших стремлений... И не только Берлин, но и другие местности, обнаруживавшие прежде интерес к политической жизни, по словам местных наблюдателей и, судя по внешним проявлениям, снова впадают в прежнюю

бездеятельность и апатию». «Мангеймская вечерняя газета» от 22 октября 1843 г. отмечает тот же рост апатии и политического индифферентизма среди либералов и прибавляет, что теперь все пришли к заключению, что «немцы совершенно не пригодны для политики».

Что эта политическая апатия и разочарование охватили собою не только умеренных либералов, но и крайних радикалов, свидетельствует относящаяся к этому времени переписка между Марксом и Руге, напечатанная впоследствии в «Deutsch-Französische Jahrbucher».

Отвечая на письмо Маркса, Руге пишет в марте 1843 г.: «Мы переживаем политическую революцию? Мы, современники этих немцев? Мой друг, вы верите в то, что желаете. Мне знакомо это состояние! Очень сладко питать надежды и очень горько отказываться от всяких иллюзий. Надо обладать большим мужеством для того, чтобы разочароваться, чем для того, чтобы подняться»... «Немцев надо считать не по числу борцов, а по количеству душ, которых продают». «Правда, говорит Руге, немцы раздражены и обозлены, друзья и знакомые, разговаривая друг с другом, постоянно вспоминают о судьбе Стюартов... Но все это только разговоры... Существует ли такой глупец, который бы не познал наших мещан и их безграничного овечьего терпения? Прошло пятьдесят лет после французской революции, и мы дожили только до возобновления всех бесстыдств старого деспотизма. И не говорите, что XIX век не перенесет его. Немцы разрешили эту задачу. Они не только переносят его, но переносят с патриотизмом, и мы, краснеющие за них, именно мы знаем, что они его заслуживают».

И Руге заканчивает свое письмо словами: «Наш народ не имеет никакой будущности». К. Маркс из кратковременного периода своего редакторства «Рейнской газеты» вынес жгучую ненависть к немецкому правительству; эта ненависть только содействовала разрушению его иллюзий насчет государства как «нравственного организма», но не привела его к пессимизму. Жгучая ненависть к реакции сплелась у него с горячей верой в близкое освобождение Германии.

«Прусское самодержавное правительство, – писал Маркс, отвечая Руге, – наглядно показало необходимость для деспотизма всего мира жестокости, невозможность для него быть гуманным... Вы говорите, что я слишком высоко оцениваю действительность, но если я не отчаиваюсь в ней, то только благодаря тому, что ее собственное безнадежное состояние наполняет меня надеждой. Я не говорю уже о неспособности господ и о филистерстве слуг и подданных, предоставляющих всему идти так, как Господь велел, хотя и этих двух явлений достаточно, чтобы вызвать катастрофу. Я уже обращаю ваше внимание на то, что враги филистерства, т. е. все думающие и страдающие люди, пришли теперь ко взаимному соглашению, тогда как прежде они это сделать не могли, и что даже простой процесс размножения старых подданных с каждым днем создает новых рекрут на службу новому человечеству. Система промышленности и торговли, владения и эксплуатации еще быстрее, чем рост населения, ведет к разрушению современного общества, которого не может спасти старая система, ибо эта система вообще ничего не излечивает и ничего не творит – она лишь существует и потребляет. Существование страждущего человечества, которое мыслит, и мыслящего человечества, которое угнетают, по необходимости должно сделаться для пассивного и бессознательно потребляющего зоологического мира филистеров неистребимым и непереваримым».

Погрузившись в изучение вопросов социально-философского мировоззрения, Карл Маркс в то же время не оставлял и мыслей о дальнейшей публицистической пропаганде своих идей. Опыт с «Рейнской газетой» показал ему, что подцензурный орган в тогдашней Германии, каким бы темным и рабским языком он ни говорил, обречен или на насильственную смерть, или же на бессилие, если он согласится подчиниться. Да и, кроме того, душная атмосфера тогдашней Германии и год мелкой, изнуряющей ежедневной борьбы с цензурой

утомили Маркса и раздвинули его нервы. Он поэтому и лично мечтал о поездке за границу и, кроме того, в интересах дела считал необходимым перенести печатный станок за границу.

В письме к Руге (от 25 января 1843 г.), опубликованном впервые Бернштейном в «*Dokumente des Sozialismus*», Маркс пишет, что он больше не в силах работать под цензурным надзором. «Скверно, – говорит он, – даже ради свободы выполнять службу батрака и вести борьбу, вместо дубин, булавок. Я устал от лицемерия, глупости и грубого авторитета, я устал от нашего подлаживания, приспособления, выворачивания, пустословия». И в другом письме он решительно заявляет: «Я не могу писать под прусской цензурой и жить в прусской атмосфере».

Это настроение разделял и Руге, решив основать за границей радикальный журнал. После долгих совещаний и колебаний было решено основаться в Париже.

Маркс получил, наконец, свободное время, чтобы жениться. В 1843 г. он женился на Женни Вестфален, официальным женихом которой он состоял в течение семи лет. Тотчас же после женитьбы Маркс уехал с женой за границу, а в ноябре 1843 года поселился в Париже, где первое время с головою ушел в работу для нового журнала.

Роль, которую призван был выполнить этот журнал, рисовалась Руге в чрезвычайно увлекательных красках; он мечтал ни более ни менее как о том, что журнал этот создаст духовный союз между Францией и Германией. Руге собирался привлечь к ближайшему участию в журнале французских писателей-единомышленников: Леру, Прудона, Луи Блана и предполагал придать журналу интернациональный характер. При этом дело шло не о социалистическом, а о радикальном журнале, и вначале Руге дал ему название «Радикальное обозрение». И в письме к Фейербаху Руге пишет, что его журнал будет органом интернационального *радикализма*.

В 1844 г. появилась первая (двойная) книжка нового журнала под заглавием «Немецко-французский ежегодник» («*Deutsch-Französische Jahrbücher*»). Состав сотрудников был блестящий. В первой, двойной книжке журнала были напечатаны статьи выдающихся сыновей еврейского народа – Гейне, Гервега, Бакунина, Фейербаха, Якоби, Энгельса, Гесса и Карла Маркса.

Из произведений Маркса здесь были напечатаны его три письма к Руге, о которых нам уже приходилось говорить, и две статьи: «К критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу».

Эти статьи Маркса представляют громадную ценность для изучения хода его умственного развития, для изучения вопроса: как Маркс сделался марксистом. Три письма Маркса написаны раньше, чем его статьи, и в них он еще всецело стоит на точке зрения Фейербаха. Он твердо верит, что не за горами освобождение Германии, но он ждет этого освобождения от «страждущего человечества, которое мыслит, и от мыслящего человечества, которое угнетено». Он ждет переворота от чувства глубокого *стыда*, охватившего немецкую интеллигенцию, стыда за свое правительство, за свою отсталость. Он пишет Руге: «Стыд есть уже революция; благодаря ему французская революция победила немецкий патриотизм и, наоборот, немецкий патриотизм в 1813 г. победил французскую революцию. Стыд есть своего рода гнев, обращенный внутрь себя. И если вся нация истинно стыдится, то она является львом, готовящимся к прыжку».

Особенный интерес для интеллектуальной биографии Маркса представляет его третье письмо к Руге. Как мы уже знаем, на страницах «Рейнской газеты» Маркс заявил в ответ на вызывающий запрос «Всеобщей газеты», что он еще не выяснил своего отношения к социализму. Но то свободное время, которое оказалось в его распоряжении после закрытия «Рейнской газеты», Маркс употребил, между прочим, и на ознакомление с тогдашними социалистическими учениями. Но эти учения, в их тогдашней утопически-догматической форме, его не удовлетворили. Его критический и творческий ум не мог увлечься догматическими уче-

ниями, и в своем третьем письме к Руге Маркс резко восстает против догматизма тогдашних социалистов. «Мы не провозглашаем догматически, – пишет Карл Маркс, – новый мир, а выводим его из критики старого. До сих пор философы разрешение всех задач оставляли под спудом, а глупому экзотерическому миру оставалось только раскрывать рот, чтобы в него летели жареные рябчики абсолютной науки. Философия стала светской, и самым ярким доказательством этого является то, что философское сознание не только внешне, но и внутренне втянулось в мучения борьбы. Если теоретическое построение и раз навсегда изготовленные формулы будущего не являются нашим делом, то тем яснее вырисовывается наша нынешняя задача: беспощадная критика всего существующего, беспощадная в том смысле, что она не боится ни своих результатов, ни конфликтов с существующими властями. Я не стою поэтому за то, чтобы мы выставили какое-либо догматическое знамя. Наоборот, мы должны стараться, чтобы догматики уяснили себе свои собственные основные положения. Так, коммунизм является догматической абстракцией, причем я говорю здесь не о каком-либо воображаемом или мыслимом коммунизме, а о коммунизме, действительно существующем, как его излагают Кабе, Дезами, Вейтлинг⁷ и т. д. Подобный коммунизм является лишь особым видом проявления гуманистического принципа, порожденным своей противоположностью, частною собственностью. Однако отмена частной собственности отнюдь не означает коммунизма, и наряду с коммунизмом по необходимости должны возникнуть другие социалистические учения, например, Фурье, Прудона и т. д.».

Таким образом, уже с самого начала своего изучения социалистических систем Маркс решительно восстал против догматического социализма.

Против подобного наивного утопизма большинства тогдашних социалистов Маркс должен был решительно восстать не только как «марксист» – он таковым еще тогда не был, но как верный и последовательный сторонник Гегеля и Фейербаха. Школа Гегеля-Фейербаха научила Маркса понимать все явления, проникнув во внутреннюю логику их объективного развития, а не противопоставляя им свои субъективные пожелания. «Выведенная» из философии Гегеля-Фейербаха программа общественной деятельности только и могла опираться на изучение внутренней закономерности объективного развития, а это заранее отвергало догматизм и доктринерство.

И на первых порах деятельность Маркса была не чем иным, как мастерским переложением философии Гегеля – Фейербаха на социально-политический язык. «Мы не выступаем доктринерами перед миром, – писал Маркс в этом же письме, – с новым принципом: вот тебе истина, преклони колени... Мы не говорим: брось свою борьбу, все это глупые затеи, мы провозгласим тебе истинный пароль борьбы. Мы лишь разъясняем, в чем состоит сущность этой борьбы, мы лишь покажем, что мир должен, хотя бы он и не хотел этого, выработать самосознание».

Программа Маркса, развиваемая в этом письме, сводится к требованию критики «мистического» сознания людей, выяснения «самосознания», разрушающего «самообман», т. е. это та же программа, которую ставил в своей критике религии Фейербах. Маркс сам заявляет, что «вся наша цель представляет то же самое, что и фейербаховская критика религии, т. е. она приводит в сознательной человеческой форме религиозные и политические вопросы». Из приведенных выдержек и из заявления самого Маркса ясно, что в 1843 году Маркс еще не стоял на «марксистской» точке зрения, всецело разделял воззрения Фейербаха и давал им широкое социальное применение. Чистые специфически марксистские ноты

⁷ Кабе Этьен (фр. Etienne Cabet; 1788–1856) – французский философ, публицист, глава коммунистической школы. Автор романа «Путешествие в Икарию» (1840), где изобразил утопическое коммунистическое общество, основанное на принципах уравниловки. Дезами Теодор (фр. Dezamy; 1803–1850), французский коммунист-утопист, деятель Революции 1848 г., участник тайных организаций. Вейтлинг Вильгельм (нем. Weitling; 1808–1871), деятель раннего немецкого рабочего движения, один из теоретиков так называемого уравнилительного коммунизма. – *Примеч. ред.*

впервые зазвучали у Маркса в статье, «К критике гегелевской философии права», напечатанной в 1844 г. в «Deutsch-Französische Jahrbücher». В этой статье у Маркса впервые «сквозь волнистые туманы» гегелевской и фейербаховской философии начинает проглядывать социальный реализм. В этой же статье впервые мы встречаем у Маркса слово «пролетариат», в этой же статье впервые у Маркса ярко вспыхнула идея о великой исторической миссии пролетариата, о том, что пролетариат призван совершить коренной общественный переворот. До сих пор в своих статьях Маркс никогда не употреблял слова «пролетариат», он говорил о бедных классах населения, он говорил о страждущем человечестве, которое мыслит, и о мыслящем человечестве, которое угнетают, но не о пролетариате. Маркс впервые заговорил о пролетариате и с самого начала заговорил с энтузиазмом в статье: «К критике гегелевской философии права».

В этой статье причудливо смешиваются уже умирающие, но еще мощные отзвуки увлечения абстракциями Гегеля и Фейербаха с еще слабыми, но крепнущими нотами рождающегося реализма.

Маркс уже заявляет в этой статье, что «главную проблему настоящего времени является вопрос об отношении промышленности и вообще мира богатства к политическому миру». «Оружие критики, – говорит далее Маркс, – не может заменить критики оружия, материальная власть может быть низвергнута только с помощью материальной же власти, а теория становится материальной властью, когда она охватывает массы». В духе же реализма Маркс говорит здесь: «Революции нуждаются в пассивном элементе, материальной основе. Всякая теория воплотится в народе лишь постольку, поскольку она является воплощением его потребностей... Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению, необходимо, чтобы и самая действительность стремилась навстречу этой мысли».

Блестяще рисует здесь Маркс величавое историческое призвание пролетариата и его союз с новой философией. «Как философия, – говорит он, – находит в пролетариате свое материальное орудие, так пролетариат находит в философии свое духовное орудие. И когда молния мысли основательно ударит в эту наивную народную почву, то совершится освобождение немцев в человека».

Головою эмансипации человека является философия, а ее сердцем пролетариат, говорит Маркс, заканчивая свою блестящую статью.

Ниже мы еще увидим, что в этой статье Маркс уплатил известную дань социальному утопизму, здесь же мы отметим, что, даже перейдя на точку зрения реализма, Маркс не изменил Фейербаху, а лишь углубил, расширил и пополнил его учение.

Заключительный аккорд статьи Маркса: философия явится головой, а пролетариат сердцем человеческого освобождения – звучит совершенно в духе фейербаховской философии. Противопоставление между сердцем и головой и тщательная формулировка соотносительной роли первого и второй играли очень важную роль в философской теории Фейербаха.

Сердце, доказывает Фейербах, есть женское начало конечного, средоточие материализма, оно настроено на французский дух, а голова есть мужское начало, средоточие идеализма, оно настроено на немецкий лад. Голова создаст вещи, а сердце приводит их в движение.

И Фейербах призывает к объединению сердца и головы, к галло-германскому принципу, как он выражается.

Этим учением Фейербаха о сердце и голове всецело проникнута, статья Маркса; его восклицание: «Философия есть голова освобождения человека, а пролетариат – его сердце», – представляет собою социальное применение философского учения Фейербаха. И заключительные слова Маркса: «Когда все внутренние условия будут выполнены, наступление дня германского воскрешения будет возведено громким криком галльского петуха», – отлично показывают, как сильно здесь влияние Фейербаха. У Фейербаха «немецкое начало»,

«голова» («философия»), создает условия, а «сердце», «французское начало», приводит их в движение. И у Маркса, в полном согласии с этим, философия («голова») немцев создает в Германии внутренние условия воскрешения, а крик «галльского петуха» («французское начало», «сердце», «пролетариат») приводит в исполнение. Таким образом, роли между немецким и французским началом, между головой и сердцем, Маркс располагает в полном соответствии с учением Фейербаха.

Глава III

Положение Германии в сороковых годах. – Недифференцированность общественных направлений. – Решительный переход Маркса к реалистическому социализму. – Критика субъективизма. – Отношение к немецкому народничеству. – Poleмика с радикалами

Уже в тридцатых годах стали раздаваться в Германии проповедь социализма и призывы порвать всякий союз с либералами, но эта проповедь широкого успеха не имела, и лишь несколькими годами позже она сумела увлечь за собою значительную часть немецкой передовой интеллигенции.

В конце же тридцатых и самом начале сороковых годов те общественные элементы, которые вскоре обособились в отдельные течения – либеральное, радикальное и социалистическое сливались в одно общее русло.

Когда Маркс выступил впервые на литературном поприще, все эти течения уже были в зачаточном виде представлены в немецкой литературе, в произведениях отдельных писателей, но в жизни они еще не обособились сколько-нибудь заметным образом. Первые органы, в которых сотрудничал Маркс, – «Немецкие ежегодники», «Anecdota», «Рейнская газета» – относятся к этому периоду еще не дифференцировавшихся политических течений. Все эти органы были проникнуты боевым оппозиционным духом, и они объединяли в одной освободительной армии и социалистов, и радикалов, и либералов. Даже когда Маркс переехал в Париж и окончательно порвал с мыслью о возможности дозволенной цензурой борьбы с правительством, даже и тогда еще не произошло отмежевание основных типов политических движений. В числе ближайших сотрудников «Немецко-французских ежегодников» мы встречаем и радикала Руге, и анархиста Бакунина, и социалиста Маркса, и гуманиста Фейербаха.

Но эти «Немецко-французские ежегодники» (вышедшие в 1844 г.) были последним органом, в котором мы находим подобную недифференцированность основных течений политической мысли. Ниже мы дадим общую характеристику тех объективных условий, под влиянием которых с 1844 года начинается в Германии резкое размежевание общественных направлений, а теперь мы лишь отметим, что Маркс лично именно в это время перешел от философствующего радикализма к действительному социализму.

Мы уже знаем, что в своей статье, помещенной в «Немецко-французских ежегодниках», Маркс все свои надежды возлагает на пролетариат и его историческое призвание. Но в этой статье социализм Маркса еще пропитан фейербаховским гуманизмом, и свой окончательный переход к реалистическому социализму Маркс завершил во время своего пребывания в Париже и Брюсселе, в течение 1844–1846 гг. Пребывание в Париже оказало на Маркса огромное влияние. Несравненно более развитые, чем в Германии, социальные отношения, несравненно более обостренная, чем в Германии, классовая борьба и замечательный расцвет социалистической литературы – все это, вместе взятое, раскрыло испытующему взгляду Маркса основные пружины общественной жизни. Как известно, июльская монархия с особенною ясностью обнажила двигательные нервы капиталистического организма. Июльская революция возвела на трон финансовую аристократию. Политический переворот, происшедший во Франции и так дорого стоивший рабочим, своими жалкими результатами вызвал сильнейшее озлобление в низших слоях населения и жгучую ненависть к торжеству-

ющей буржуазии. Завладев властью, французская крупная буржуазия жадно эксплуатировала ее для своего обогащения. Промышленность Франции сильно развивалась.

Разорвавшиеся мещане и крестьяне переполняли города и вызывали падение заработной платы; число безработных повсюду было очень велико. Города кишели нищими, больными и спившимися людьми. Каково было общее материальное положение рабочих в тогдашней Франции, видно хотя бы из того, что в 1845 г. на всю страну насчитывали всего 134 836 рабочих, которые делали кое-какие сбережения на черный день.

Рабочий класс был охвачен сильным брожением, то и дело вспыхивавшим стачкой, которая тогда – запрещенная законом – по необходимости принимала революционный характер. Как раз в то время, когда Маркс был в Париже, произошла крупная стачка в каменоломнях, закончившаяся вооруженным столкновением стачечников с войсками.

Июльская монархия, добытая кровью рабочих, павших в июльской революции; крупная буржуазия, возведенная на трон, умножавшая свои богатства со сказочной быстротой, весело прожигавшая роскошную жизнь и жестоко эксплуатировавшая рабочих; рабочий класс, совершивший революцию и теперь гибнущий в нищете, – все это вызвало во Франции сороковых годов необычайный расцвет социалистической проповеди во всех ее оттенках и направлениях.

Можно себе представить, какое впечатление должна была произвести эта обстановка и атмосфера социально-политической жизни Франции на такого человека, как Маркс, приехавшего из тихой Германии, с ее отсталым экономическим строем, патриархальностью классовых отношений, с наивною верою либералов во власть петиций и резолюций, а интеллигентов – во власть философских формул.

Франция очень скоро отучила Маркса от его вывезенного из Германии гегелевского взгляда на государство как на «нравственный организм», величаво возвышающийся над борьбою общественных классов. «Немецко-французские ежегодники», как мы уже упомянули, были последним органом, в котором Маркс сотрудничал в период своего переходного состояния от утопизма к реализму. «Немецко-французские ежегодники» вышли всего в одном двойном выпуске, а затем прекратили свое существование, отчасти из-за недостатка средств, а отчасти потому, что к этому времени обнаружились уже серьезные разногласия между редактором, радикалом Руге, и социалистом – Марксом.

К самой середине сороковых годов, рука об руку с быстрым обострением социальной борьбы между различными классами немецкого общества, стало обнаруживаться стремление к политическому размежеванию. Радикалы стали отделяться от либералов, социалисты от радикалов. Маркс к этому времени окончательно примкнул к социализму, а в области последнего уже сделал главные шаги от утопизма к реализму. Он жил в это время в Париже, деля свое время между усиленными научными занятиями и страстными спорами с выдающимися социалистическими деятелями и мыслителями тогдашней Франции. Из всей Германии стекались в Париж наиболее «неблагонадежные» и боевые элементы. Тысячи немецких интеллигентов, ремесленников и рабочих покидали свою родину и уезжали в Париж, чтобы хотя на короткое время подышать свободным воздухом и почувствовать себя свободными от докучливой полицейской опеки. В Париже кипела интенсивная политическая жизнь и напряженно работала социально-политическая мысль, охваченная лихорадочным исканием новых общественных идеалов. Немецкая колония, насчитывавшая несколько десятков тысяч человек, была захвачена этой повышенной интеллектуальною жизнью Парижа и жадно прислушивалась к ярким и сильным лозунгам многочисленных социалистических учений. Немецкие ремесленники и интеллигенты устраивали многолюдные и многошумные собрания, где произносились страстные речи и давались торжественные аннибаловы клятвы положить жизнь за освобождение родной Германии.

Под влиянием этих благоприятных условий времени и места созревание социалистического реализма в голове Карла Маркса шло с замечательной быстротой, и в течение каких-нибудь двух лет (1844–1846 гг.) К. Маркс успел не только усвоить себе основательно социалистическое мирозерцание, но и внести в него новую, строго реалистическую струю. Процесс обоснования своего учения шел у Маркса рука об руку с процессом энергичной литературной борьбы со всеми видами и формами отечественного немецкого утопизма, дань которому в свое время уплатил и сам К. Маркс. Этой критической работой было заполнено первое время пребывания Маркса за границей (в Париже и Брюсселе), когда Маркс в блестящих и едких памфлетах бичевал немецких утопистов.

Журнальная деятельность Маркса свелась в это время почти на нет. Кроме двух, уже знакомых нам статей в «Немецко-французских ежегодниках», Маркс во время своей жизни в Париже принимал участие лишь в издававшейся в Париже немецкой революционной газете «Вперед» («Vorwärts»)⁸. Газета эта вначале была основана неким Бернштейном в качестве небольшой газетки, лишенной каких бы то ни было революционных намерений. Несмотря на то, что газетка эта вначале велась в духе самого дешевого и беззлобного либерализма, немецкое правительство запретило ее в Германии. Тогда Бернштейн, раз уже газета все равно запрещена, решил придать ей революционный характер и пригласил в число ее сотрудников Генриха Гейне, Гервега, Маркса, Энгельса, Бакунина, Руге и др.

«Вперед» заговорила резким и насмешливым языком. Он стал проповедовать неумолимую, лютую борьбу с немецким абсолютизмом, борьбу, не останавливавшуюся ни перед какими средствами, до террора включительно.

Когда в 1844 г. некий Чех произвел неудачное покушение на Фридриха-Вильгельма IV⁹, то парижская «Вперед» поместила статью, в которой доказывала, что в Германии покушение на немецкого короля есть единственное средство доказать непригодность немецкого абсолютизма. ... «Абсолютизм, раз на него оказывается возможным покушение, теряет свой божественный, беспорочный характер. Необходимо было на примере немецкого короля доказать, что абсолютизм может быть предметом покушения, так как казнь Карла I и Людовика XVI и многочисленные покушения на Людовика-Филиппа, очевидно, не научили Германии. Немецкий король может грабить и убивать, производить любые насилия, мучить людей, обещивать их и продавать, и при всем этом безбоязненно давать своему грешному телу отдых в любой избе. Теперь уже невозможно, теперь и немцы поняли, что и королю можно отомстить».

Со столь же грозными предупреждениями обращалась «Вперед» и к семи прусским министрам: «Пусть семь нечистых духов, дающих советы наследнику великого Фридриха, знают, что задолго до того, как пала царственная голова британского Стюарта, поплатился жизнью его министр и руководитель, граф Страффорд. Пусть эти жалкие прусские министры додумают о своем будущем!»

Очень резкий и смелый тон, в котором «Вперед» говорила о немецком правительстве, чрезвычайно злил и беспокоил последнее. Несмотря на все пограничные рогатки, «Вперед» провозилась в Германию и здесь вызывала сильную сенсацию. Ее влияние быстро возрастало, и немецкое правительство решило во что бы то ни стало добиться ее закрытия. Для

⁸ «Вперед» — нелегальная большевистская еженедельная газета; издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.) по 5 (18) мая 1905 г. Вышло 18 номеров; тираж 7-10 тысяч экземпляров. Организатором и непосредственным руководителем газеты был В. И. Ленин. Он же предложил и название газеты. В состав редакции входили русские евреи В. Боровский, М. Ольминский, А. Луначарский. Всю переписку газеты с местными комитетами в России и корреспондентами вела Н. К. Крупская. — *Примеч. ред.*

⁹ Фридрих-Вильгельм IV (1795–1861) — король Пруссии с 7 июня 1840 года из династии Гогенцоллернов. Бывший бургомистр города Старкова (в Бранденбурге) Людвиг Чех, считавший, что ему было несправедливо отказано в восстановлении на государственной службе, выстрелил в королевскую чету из пистолета. Покушение на короля и его супругу произошло 26 июля 1844 года во дворе берлинского дворца. Королевская чета не пострадала. — *Примеч. ред.*

этого было лишь одно средство: побудить к этому шагу французское правительство. Немецкое правительство сделало соответствующее представление министерству Гизо. Последнее, однако, побоялось, ввиду общественного скандала, закрыть газету, а предпочло привлечь ее к суду за нарушение тогдашнего французского закона о печати, обязывавшего все политические органы вносить соответствующий денежный залог. «Вперед» этого залога не внесла, и ее редактор был приговорен за нарушение этого закона к денежному штрафу и двухмесячному тюремному заключению. С 1 января 1845 года «Вперед» должна была превратиться в ежемесячный журнал, для которого по тогдашним французским законам не требовалось денежного залога, но как раз первого января 1845 г. все ближайшие сотрудники «Вперед», и в их числе и Маркс, получили от Гизо приказ покинуть Париж в течение 24 часов. Маркс уехал тогда в Брюссель.

Сотрудничество Маркса в «Вперед», поскольку речь идет о крупных статьях, ограничилось всего одной статьей, представляющей собой критику статьи Арнольда Руге «Прусский король и социальная реформа». Ниже, в другой связи, нам еще придется вернуться к этой статье Маркса, а пока мы должны будем обратиться к тому окончательному разрыву с утопическим прошлым и к той общей критике немецких утопистов, которые относятся к 1845 г., когда Маркс, покинув Париж, переселился в Брюссель.

В Брюсселе Маркс впервые от обсуждения и изложения социально-политических вопросов перешел к практической деятельности. Но прежде чем говорить об этой последней, остановимся на периоде окончательного теоретического разрыва Маркса с немецкими утопистами.

Прежде всего Маркс подверг жестокой и насмешливой критике немецких субъективистов-индивидуалистов, с Бруно Бауером во главе. Некогда Маркс был связан с Бруно Бауером узами самой тесной дружбы. Они очень усердно переписывались, были друг с другом на «ты» и одно время носились с планом совместного издания радикального журнала. Это показывает, что в то время между Бауером и Марксом еще были точки тесного идейного соприкосновения. Общей почвою служило им учение Гегеля, из которого оба они делали «левые», в общественном смысле, выводы. Маркс в эту эпоху еще всецело стоял на гегелевской точке зрения и очень мало занимался социально-политическими вопросами. Все внимание тогдашней передовой немецкой интеллигенции было поглощено философско-религиозными теориями, из которых попросту «выводились» социально-политические применения. А в области религиозно-философских вопросов Бауер был в начале сороковых годов одной из самых крупных величин. Его критика религиозных суеверий и предрассудков христианства навлекла на него гонения правительства и привлекла к нему широкие симпатии немецкой интеллигенции. Бруно Бауер вел неутомимую и победоносную борьбу с религиозным фанатизмом, фарисейством и суеверием.

Бауер и кучка его последователей чувствовали себя могущественными критически мыслящими личностями, в лице которых мир пришел к своему самосознанию и избрал их орудием разрушения всего старого филистерского мира. Пока Бауер во имя «самосознания» вел веселую и победоносную войну с темным царством филистеров и фарисеев, между ним и Марксом существовала самая тесная идейная дружба. Бауер стоял в первых рядах немецкого общественного движения. Но это движение с начала сороковых годов быстро росло и вширь, и вглубь.

Маркс, как мы знаем, в течение каких-нибудь двух лет совершил громадную идейную эволюцию от интеллигентски-отвлеченной точки зрения к реалистически-действенной. А Бауер не двигался вперед и благодаря этому оставался все более и более позади. Пока на борьбу со старым немецким порядком жидкими и разрозненными рядами выходили лишь кучки интеллигентов, пока эта борьба велась лишь в области философской и религиозной теории, до этих пор учение Бауера о «самосознании», как единственной движущей силе

истории, было прогрессивным идеологическим стимулом. Но, когда общественная борьба сумела мобилизовать уже и известные слои народа, когда в самом народе начали просыпаться освободительные стремления, когда народная масса начинала уже не формулировать теории, а добывать на практике новые условия свободной жизни – тогда учение Бауера о проникнутых самосознанием одиноких личностях, как о единственном двигателе прогресса, это учение из революционной критической формулы превратилось в тормоз дальнейшего движения. Бауер и его немногочисленные последователи из передовых бойцов очень скоро превратились в злобствующих критиков и ненавистников широкого народного движения, которое переросло философские формулы, выкроенные для одиноких немецких интеллигентов, вырабатывающих в тиши кабинета свое «самосознание».

Бауер и его последователи относились с глубоким и нескрываемым недовольством к освободительному движению, в котором принимала участие «масса». Участие «массы», по утверждению Бауера, лишь опошляет и губит всякое освободительное движение. Все крупные исторические события лишь потому оказались бесплодными, что в них принимала участие масса. Немецкие индивидуалисты резко противопоставили «критический дух», как двигатель прогресса, с одной стороны, и «массу» как инертное, косное начало истории, – с другой. Человеческий дух, говорили они, «знает теперь, где он должен искать своих единственных врагов: этими врагами являются фразы, самообман и мягкотелость массы».

Бруно Бауер и его последователи имели свой собственный литературный орган – «Литературную газету» («Literaturzeitung»), в которой они горделиво заявляли свои права на звание единственных двигателей исторического прогресса и изощрялись в насмешках над «массой», толпой и ее тупой реакционностью. Успеха эта газета не имела, но редакция только гордилась этим. Она была убеждена, что критически мыслящие личности могут только унизиться, если встретят поддержку в массе, ибо масса способна лишь к восприятию пошлых заблуждений. Указывая на полный неуспех «Литературной газеты», один из ее сотрудников присовокуплял: «Вы видите, таким образом, что «Литературная газета» достигла своей цели, т. е. не нашла себе никакого отзвука. Сочувствие она могла бы встретить только в том случае, если бы она вторила бессмысленности, если бы впереди нее гордо шли янычар с музыкой ходячих понятий и трескучих фраз».

К общественной деятельности критические личности относились с презрением. Один из видных последователей Бруно Бауера, Сцелига, писал, что «критики не должны лично вмешиваться в общественные дела», «истинный и чистый критик никогда сам не принимает непосредственного участия в деле, не является человеком дела».

Отношения между Марксом и Бауером уже в самом начале сороковых годов приняли характер натянутости и в 1843 г. личные отношения между ними окончательно оборвались.

Чем решительнее Маркс переходил на точку зрения социального реализма, тем резче расходился он с Бауером. Насколько Бауер видел в «массе», в народе инертное начало, погубившее все широкие начинания критических личностей, – настолько же Маркс все более и более убеждался, что только движения массы способны произвести крупный исторический переворот. Насколько Бруно Бауер резко противопоставлял критические идеи косности массы, насколько он считал великие идеи погибшими, раз за их осуществление возьмется масса, – настолько же Маркс уже в 1845 г. убедился, что только тогда идеи сильны, когда их усвоит масса.

В Брюсселе Маркс написал памфлет «Святое семейство, или Критика критической критики», в котором подвел итоги своего непримиримого разногласия со своим бывшим другом Бруно Бауером и его последователями.

Мы уже указывали, что в своей статье «К критике гегелевской философии права» Маркс великую историческую освободительную миссию возлагает на пролетариат, причем уже здесь Маркс писал, что «революции нуждаются в пассивном элементе, в материальной

основе. В каждом народе теория осуществляется лишь постольку, поскольку она представляет собою осуществление его потребностей... Мало того, чтобы мысль стремилась к осуществлению, необходимо, чтобы сама действительность стремилась навстречу мысли».

«Эмансипация Германии, – уже в 1844 г. писал Маркс, – произойдет только тогда, когда молния мысли основательно ударит в доселе наивную и девственную массу пролетариата».

В памфлете против Бауера Маркс дает этим идеям социального реализма дальнейшее блестящее развитие. В полную противоположность Бруно Бауеру и его последователям Маркс доказывает в «Святом семействе», что «идея скандалится каждый раз, как только она отделяет себя от «интереса». На примере Великой французской революции Маркс превосходно показывает, какую огромную историческую роль играет «масса» и в каком взаимоотношении находятся интересы и идеи людей. Чем шире народная масса, принимающая участие в данном историческом событии, говорит Маркс, тем глубже будет действие этого события, тем могущественнее его роль. Наиболее сильное и неутолимое стремление к справедливости и знанию, говорит Маркс, живет не в рядах интеллигенции, а в рядах рабочих. «Надо быть знакомым с жаждою знания, с нравственной энергией, с неустанным стремлением к развитию английского и французского рабочего, чтобы составить себе представление о духовном благородстве массового движения».

Рисуя величественное историческое призвание пролетариата, Маркс, однако, протестует против утверждения Бауера, будто социалисты провозглашают пролетариев какими-то новыми богами. Пролетарии – не боги, говорит Маркс, а обыкновенные люди, поставленные, однако, в такие социальные условия, что они поневоле *должны* со временем взяться за эмансипацию всего человечества. Пролетариат сам, говорит Маркс, и только сам может добиться своего освобождения. «Но он не может освободить себя, не уничтожив предварительно условий своего существования. Но он не может уничтожить условий своего существования, не уничтожив предварительно *всех* бесчеловечных условий существования современного общества... Дело идет не о том, что в данную минуту *воображает* свою целью тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Вопрос заключается в том, что представляет собою пролетариат и какую историческую роль он вынужден играть в силу своего положения».

«Святое семейство» Маркса означало, таким образом, полный разрыв с немецким субъективизмом сороковых годов. Но оно направлялось не только против субъективистов, а и против немецких утопистов-социалистов, наивно учивших, что в Германии, в полную противоположность «западным странам» (Франция и Англии), носителями социалистических идей являются не рабочие, «заинтересованные» в них, а интеллигенты, бескорыстно ими увлекавшиеся.

В начале своего развития социалистическое движение носило в Германии наносный, импортированный характер, оно было внесено туда из Франции, сильно обогнавшей Германию по своему социально-политическому развитию. В самом начале сороковых годов пролетариат, как обособленный социальный класс, едва только нарождался в Германии. Правда, уже с тридцатых годов в Германии стали попадаться единичные рабочие (или, вернее, ремесленники), которые беззаветно увлекались социалистическими идеями, но это были лишь случайные и разрозненные элементы. Но в то самое время, когда немецкие крайне отсталые социально-политические условия еще не взрастили в Германии самостоятельного рабочего движения, а с ним и социалистического, в соседней Франции и рабочие, и социалистическое движение успели уже принять широкие размеры. Благодаря этому, немецкая интеллигенция, всегда жадно перенимавшая у Франции все новые слова, получила возможность усвоить себе социалистические идеи, явившиеся на своей родине продуктом сложных и развитых социальных условий; жила же она в то же время в стране, объективные социальные условия которой были крайне отсталые и не могли еще самостоятельно породить рабочее и социаль-

ное движение. Благодаря этому у передовой немецкой интеллигенции, увлекшейся социалистическими идеями, родилась горделивая иллюзия, что немецкий «народ мыслителей и поэтов», в противоположность грубому Западу, увлекается социализмом из чисто идеалистических увлечений и отвлеченных соображений и что в Германии, в противоположность Франции, социалистический переворот произойдет мирным путем, не с помощью жестокой классовой борьбы, а благодаря идейному проникновению социализма.

При этом немецкие социалисты переводили французский, слишком жестокий и боевой для них социализм на свои мягкие интеллигентские нравы и соединяли его с фейербаховским гуманизмом. Этот-то переделанный на немецкие нравы французский социализм усердно проповедовали под именем истинного социализма в первой половине сороковых годов немецкие интеллигенты.

Одним из самых выдающихся представителей этого «истинного социализма» был Мозес Гесс¹⁰. «Во Франции, – пишет Гесс в одной из своих статей, – бедные рабочие стремятся осуществить ту цель, к которой у нас стремятся преимущественно высшие и образованные сословия. Причиной этого явления надо считать поверхностное умственное развитие имущих классов и глубокую сердечность неимущих классов по ту сторону Рейна. И во Франции имущие классы отнюдь не безучастно относятся к бедствиям современного общества; лишь по сравнению с французским пролетариатом и немецкой буржуазией все, что предлагает имущий класс во Франции для устранения общественной нужды, кажется поверхностным и ничтожным».

«И разве то обстоятельство, что имущий класс в Германии после того, как он всего лишь два года занимался общественными вопросами, в существенном сошелся в своих воззрениях с неимущим классом Франции, будучи в одинаковой с ним степени глубоко и живо охвачен социальным движением, разве это обстоятельство не достаточно доказывает, что ни первый, ни второй из этих классов не является причиной существования и развития наших многочисленных бедствий».

«Если в Германии, – говорит Гесс в другом месте, – не существует широкого социально-политического движения, то оно возмещается движением духовным». И если во Франции только массовое движение может добиться социальной справедливости, то в Германии эту роль сыграет образованное меньшинство. «Во Франции, – писал Гесс, – гуманизм представлен пролетариатом, а в Германии – духовной аристократией».

В 1842 г. Лоренц Штейн выпустил свою книгу «Социализм и коммунизм в современной Франции», в которой хотя и заявлял, что в Германии не существует пролетариата, но по отношению к Франции доказывал, что социалистическое движение создается и поддерживается классовыми интересами пролетариата. Немецкие «истинные» социалисты с М. Гессеном и Карлом Грюном во главе встретили этот реализм Штейна взрывом нравственного негодования.

«Некоторые люди, – говорит М. Гесс по адресу Штейна, – будучи не в состоянии преобразовать действительность сообразно с своим самосознанием, направляют свое орудие против самих же себя и делают самоубийственную попытку сформировать свое собственное сознание сообразно со скверною действительностью. К этим людям принадлежит и Штейн».

«Ошибочно думать, – пишет Гесс в другом месте, – и эта ошибка является продуктом эгоистической ограниченности, неспособной подняться до гуманности, и распространяется реакционерами, и в частности Штейном, что социализм порождается только пролетариатом, а у последнего (вызывается потребностями желудка. Французы не подали никакого повода для подобного рода ошибки. Правда, французский социализм возник не из логической необ-

¹⁰ Гесс Мозес (нем. Moses Hess, Моше/Моисей Гесс/Хесс; 1812–1875) – один из первых еврейско-немецких социалистов и ранних провозвестников сионизма, оказавший сильное влияние на Карла Маркса и Фридриха Энгельса. – *Примеч. ред.*

ходимости, не из потребностей головы, но и не из потребностей желудка: он возник из потребностей сердца, из сочувствия к страданию человечества... Французы, правда, только благодаря страданию человечества, дошли до социалистических принципов, но отнюдь не собственные страдания заставили французский пролетариат с таким прекрасным воодушевлением отдаться социалистическому принципу».

«Но если, – продолжает Гесс, – по отношению к Франции ошибочно думать, что величайшая идея нашего времени, да и всех времен вообще, т. е. идея социализма, источником своего происхождения имеет желудок, то по отношению к Германии подобное воззрение, если это только возможно, еще ошибочнее. Даже та посредническая роль, которую сыграли физические страдания при возникновении социалистических идей во Франции, здесь в Германии едва ли имеет какое-либо существенное значение. Социалистическая пропаганда, проникшая к нам из Франции, только потому не имела успеха в Германии, что она исходила от людей, апеллировавших только к сочувствию и не сумевших стать на точку зрения идеи гуманизма и подняться до гуманистической практики».

«Денежная аристократия, от которой исходит движение во Франции, имеет своего антипода в лице пролетариата, посягающего на ее наследие и на устранение самой денежной аристократии; духовная же аристократия, от которой исходит движение в Германии, имеет противоположность лишь в самой себе, и она стремится устранить это противоречие, выражающееся в противоречии с действительностью, путем распространения на всех привилегии образования и путем устранения черни. Французский пролетариат тогда только может в действительности устранить денежную аристократию, когда он предварительно теоретически преодолеев всякую бесчеловечность; тогда как немецкая духовная аристократия только тогда сумеет устранить существование черни, когда она сама практически преодолеев вечную бесчеловечность. Таким образом, различие исходных точек у обеих наций обуславливает и различие в характере социалистического движения. Во Франции представителем гуманизма является пролетариат, а в Германии – духовная аристократия.

С таким же нравственным негодованием встретил замечательную книгу Штейна и другой виднейший представитель немецкого истинного социализма – Карл Грюн. «Для Штейна, – писал Грюн, – пролетариат, видите ли, представляет особый класс общества! Вот как! Орудие истории смешивается с идеей истории... Пролетариат, как выражение материальной нужды, как выражение ненормального положения низших классов народа, как выражение несоответствия между потребностями и средствами к их удовлетворению, этот вопрос голода должен служить мотивом, истинным историческим мотивом социализма?! Нет, голод есть лишь орудие, которым теперь пользуется человеческое развитие, как в 1789 г. таким орудием служило бесправие обширнейшей и лучшей части народа».

Мы привели слова Гесса и Грюна, самых видных представителей «немецкого истинного социализма» для того, чтобы охарактеризовать сущность того утопического социалистического учения, которое до второй половины сороковых годов господствовало среди немецкой интеллигенции. Сущность этого социализма заключалась в том, что немецкие интеллигенты *отсталость* социального развития Германии принимали за ее *особенность*.

Гуманистическая философия Фейербаха служила как бы величественным апофеозом учения «истинных» социалистов. И «истинные» социалисты относились к учению Фейербаха с безграничным увлечением, будучи твердо убеждены, что в философии Фейербаха уже заключаются все данные, необходимые для разрешения социального вопроса. Уже знакомый нам главный представитель «истинного» социализма, Карл Грюн, говорил о Фейербахе: «Назвать Фейербаха – значит назвать всю работу философии, начиная от Бэкона Веруламского и кончая нашими днями; это значит сказать, чего в конце концов хочет философия, это значит увидеть в человеке конечный результат мировой истории. Этим путем мы надежнее–

потому что основательнее— сумеем разрешить все вопросы, чем в том случае, если станем толковать о заработной плате, о конкуренции, о недостатках конституции».

Когда Карл Маркс закончил в Париже выработку своего мирозерцания, приступил к критике немецкого социального утопизма во всех его видах и проявлениях, то, конечно, он должен был подвергнуть— и действительно подвергнул решительной критике и учение истинных социалистов. Но в каком отношении стоял к этому истинному социализму Маркс в первые годы своей литературной деятельности? Этот вопрос является спорным, и разные биографы Маркса дают на него противоположные ответы. Как мы покажем ниже, Маркс никогда не разделял учения истинных социалистов во всей его полноте и никогда не был его безусловным сторонником, но не подлежит никакому сомнению, что было время, когда Маркс разделял многие из основных идей «истинного социализма». Мы не говорим уже о том, что у Маркса был общий с «истинными» социалистами философский источник— гуманистическая философия Фейербаха и что, подобно «истинным» социалистам, Маркс в начальный период своей литературной деятельности «выводил» решение социальных вопросов из философии Фейербаха. Но и, помимо этого, Маркс некогда разделял иные из основоположений «истинного социализма».

Вчитайтесь внимательно в статью К. Маркса «К критика гегелевской философии права», напечатанную в 1844 г. в «Немецко-французских ежегодниках», и вы на каждой странице натолкнетесь на внутреннюю борьбу между впервые провозглашаемым социальным реализмом и умирающим утопизмом.

«Даже и исторически, — говорит в этой статье Карл Маркс, — теоретическая эмансипация имеет специфически практическое значение для Германии. Революционное прошлое Германии носит теоретический характер: оно заключается в реформации. Как тогда революция началась с головы монаха, так теперь она начинается в мозгу философа». Одной из основных идей «истинного социализма» было утверждение, что в Германии невозможна частичная политическая революция, что в ней сразу произойдет глубокий социальный переворот, который положит основание «гуманистическому» строю. В статье Маркса мы находим ясный отзвук этой идеи истинных социалистов. «Не радикальная революция является утопическою мечтою для Германии, — говорит, например, Маркс по отношению к тогдашней Германии, — не общечеловеческая эмансипация, а, наоборот, утопической является мечта о частичной, политической революции, революции, которая бы оставила в целости устоя здания... В Германии ни один класс не обладает достаточною последовательностью, резкостью, мужеством, беспощадностью для того, чтобы сделаться отрицательным представителем общества: ему недостает для этого той душевной широты, которая хотя бы на минуту заставила его отождествить себя со всем народом. Взаимоотношения различных сфер немецкого общества носят поэтому не драматический, а эпический характер».

Резюмируя смысл этой статьи, Маркс пишет: «Единственным практически возможным освобождением Германии является ее теоретическое освобождение, которое провозгласило бы самого человека глубочайшею сущностью человека».

В Германии эмансипация от Средневековья возможна только как эмансипация от всякого частичного устранения средневековья. В Германии нельзя сломить ни одно из видов рабства, не сломив всякое, все рабство».

Таким образом, Маркс в начале сороковых годов еще разделял по отношению к Германии основной предвзгляд истинных социалистов, веривших в особенные пути социального развития Германии и утверждавших, что особенность Германии заключается в том, что в ней невозможна частичная политическая революция, что в ней в ближайшем будущем сразу совершится социальный переворот, переход к гуманистическому строю. Иначе ее обосновывая, Маркс, однако, как показывают вышеприведенные цитаты, разделял эту иллю-

зию и считал Германию 1844 г. созревшей и готовой для коренного социального переворота, который бы провозгласил «самого человека глубочайшею сущностью человека».

Именно здесь, в этой вере, что Германия минует долгое мытарство по капиталистическому чистилищу, и было соприкосновено между Марксом 1844 года и «истинными» социалистами. Энгельс шел дальше и красноречиво доказывал, что в Германии капитализм осужден на жалкое прозябание.

В 1845 г. Энгельс произнес в Эльберфельде речь, в которой доказывал безвыходность положения немецкого капитализма. «Если мы объявим свободу торговли и уничтожим таможенные пошлины, – говорил Энгельс, – то тогда вся наша промышленность, за исключением разве немногих отраслей, будет разорена. Тогда уже не может быть никакой речи ни о прядильной, ни о ткацкой, ни о главнейших отраслях шелковой промышленности, ни о почти всей железодобывающей и железоделательной промышленности. Внезапно оставшиеся без хлеба рабочие этих отраслей промышленности массою хлынут в сельское хозяйство и уцелевшие обломки промышленности, повсюду появится пауперизм; концентрация имущества в руках немногих вызовет такой кризис, который, судя по событиям в Силезии, неизбежно приведет к социальной революции».

Но предположим, что мы создадим для промышленности охранительные пошлины. Эти охранительные пошлины в последнее время сделались излюбленным детищем наших промышленников, ввиду чего мы остановимся на них несколько подробнее. Господин Лист привел в систему вождения наших капиталистов, и я буду опираться на эту систему, признаваемую промышленниками своим *credo*. Господин Лист предлагает постепенно повышать пошлины до тех пор, пока, наконец, они не будут в состоянии гарантировать нашим фабрикантам внутренний рынок; тогда эти пошлины, удержавшись некоторое время на достигнутой высоте, должны будут постепенно понижаться, пока, наконец, через ряд годов исчезнет всякая таможенная охрана. Предположим, что план этот будет осуществлен и таможенные пошлины будут введены. Промышленность разовьется, свободные капиталы начнут приливать к промышленным предприятиям, спрос на рабочие руки, а вместе с этим и заработная плата повысится; по-видимому, наступит цветущее состояние. Но это будет продолжаться лишь до тех пор, пока для промышленного сбыта будет достаточен внутренний рынок. За пределы же последнего промышленность не может развиваться, так как если даже и на внутреннем рынке она не может существовать без охранительных пошлин, то на нейтральных рынках она тем менее сумеет бороться с иностранной конкуренцией».

«Как только, – говорит далее Энгельс, – Германия попытается освободиться от пошлин, английские товары запрудят немецкий внутренний рынок и погубят немецкую промышленность. Но даже если пошлины не будут отменены или понижены, то и тогда англичане, благодаря прогрессу своей промышленности, будут в состоянии конкурировать с нашей отсталой промышленностью на нашем внутреннем рынке, несмотря на все охранительные пошлины. Так как в этой конкуренции, как и во всякой другой борьбе, победа останется за более сильным, то наше поражение не подлежит никакому сомнению. А тогда наступит тот же случай, о котором мы говорили выше: искусственно созданный пролетариат потребует от имущих классов то, чего, оставаясь имущими классами, они ему дать не могут, и тогда наступит социальная революция».

«Предположим еще один случай, очень, однако, невероятный, – предположим, что Германии удастся с помощью охранительных пошлин конкурировать с англичанами. Предположим, что это случится. Каковы же будут последствия? Если мы начнем конкурировать с англичанами на внешних рынках, то возгорится борьба не на жизнь, а на смерть между нашей и английской промышленностью. Англичане употребят все силы, чтобы вытеснить нас с рынков, которыми они прежде владели: они вынуждены будут так поступить, потому что окажется затронутым их жизненный источник. И при посредстве всех находящихся в

их распоряжении средств, опираясь на все преимущества столетней промышленности, они сумеют нанести нам поражение. Они заставят немецкую промышленность ограничиться внутренним рынком и, благодаря этому, вызовут в ней застой, и здесь таким образом тоже наступит упомянутый случай: мы останемся на месте, в то время как англичане будут прогрессировать, и наша промышленность, в силу ее неизбежного упадка, будет не в состоянии прокормить искусственно созданный ею пролетариат— наступит социальная революция».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.